

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 5

Андрей Готлибович Шопперт
И опять Пожарский 5
Серия «И опять Пожарский», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68829186

Аннотация

Закончилась война с Tre Kronor (Тре Крунур). Обломали им один зубец на короне. Теперь испанцам спокойно не живётся. А ещё визиты датских родственников. Исследование земли своей. Много чего. Читайте.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Андрей Шопперт И опять Пожарский Книга пятая

Глава 1

Событие первое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей стоял на стене крепости Нарва 16 июля 1624 года и смотрел, как через реку переправляются войска. Роман Петрович Пожарский с помощью спецназовцев Афанасия Бороды и лучников Бебезяка овладел вчера Ивангородом и теперь пятьсот человек переправлял в Нарву, чтобы сменить вершиловцев. Всё, война для вершиловского полка закончена. Не с кем больше воевать. Пора домой. И так все планы коту под хвост. Как ведь всё было хорошо задумано. Прискачем, ограбим Або, Уппсалу и Стокгольм, а на обратном пути возьмём Нарву и к вскрытию рек вернёмся домой. Дудки.

Сначала просчитался с перевозкой лошадей. Хотя? По-другому бы не получилось. Не с сотней же идти воевать Шведское королевство. Ну да ладно, переправились бы на

Готланд и потом, уже, взяв Нарву, за несколько раз перевезли лошадей к устью реки Наровы или Невы. Нет. И тут провидение вмешалось. Для начала графу Оксеншерне не удалось «уговорить» коменданта крепости Висбю сдаться без боя. Пришлось разворачивать пушки и стрелять по воротам. Двух залпов из пяти пушек хватило, чтобы и ворота вынести и часть стены обрушить.

И тут опять пошло не по плану. Сагайдачный увлёк казаков на штурм. Конечно, почти триста запорожцев маленькую крепостцу взяли, но, во-первых, почти всех шведов перебили, во-вторых, у самих потери большие: двадцать два человека убиты и семнадцать ранены, в-третьих, пришлось город отдать им на разграбление, а это ведь датский город. Кристиан, поди, не в восторге будет.

Пётр в это время был в порту. Вся их армада окружила порт и не дала ни одной лодчонке улизнуть. В результате русский флот пополнился одним купеческим шведским хольком, одной рыбацкой двухмачтовой гафельной шхуной, голландской постройкой, тоже шведской, и тремя одномачтовыми судёнышками типа барж, как потом узнал Пётр, назывались они «аак». Как шведские рыбаки на этих плоскодонных судёнышках рискуют выходить в море, было не понятно. Кроме того в порту Висбю находились два английских корабля и один французский. Вот в то время, когда запорожцы рубились со шведами на стене, Пожарский и угова-

ривал капитанов нейтральных судов поучаствовать в перевозке лошадей из Стокгольма на Готланд. Англичане «уговорились» быстро, понятно, коммерсанты. А вот с французом пришлось повозиться. И хорошо, потому что в ходе разговора всплыла информация, которая в корне изменила планы. Оказывается, ребята только вчера прибыли из захваченной шведами Риги. Ну, и ладно бы, захватили и захватили. Так нет! В Ригу десять дней назад прибыли гугеноты, которых, вот надо же совпадение, пригласил переселиться в Россию князь Пожарский. Шведы тут же всех девушек и женщин изнасиловали, а мужчин заставили ремонтировать стены, сильно пострадавшие при штурме. Те начали возмущаться, и шведы десятком искалечили, а двоих повесили.

Пётр выслушал всё это, скрипя зубами, и повернулся к риксканцлеру.

– Дорогой, граф! У меня такое ощущение складывается, что в Швеции совсем не рыцари живут. Ваши протестантские солдаты изнасиловали женщин, которые сбежали ко мне от притеснения католиков во Франции. Как вы думаете, что я должен теперь делать?

– Это война, – сник швед.

– Ответ не правильный. Мне теперь придётся брать Ригу и полностью уничтожить всех шведов, что там находятся.

– Я прикажу им отпустить гугенотов, – совсем побледнел Оксеншерна.

– Что-то здесь вас не очень послушались. Кроме того мне

Рига нужна свободной. Через неё идёт большая часть моей торговли. Вы останетесь здесь или поплывёте со мною смотреть, как французы будут вешать пленных шведов? – кисло улыбнулся Пожарский.

– Останусь.

– Опять ответ не верный. Вы должны это увидеть и потом объяснить своим, что людей князя Пожарского нельзя трогать ни при каких условиях. Это всегда плохо закончится. И ещё. Хотел ограничиться одной Нарвой. Теперь придётся и Пернау брать и Ревель. И ещё! При заключении мирного договора Швеции запрещено будет иметь военный флот. Ни одного корабля! – Пётр сжал губы, заканчивать надо разговор, а то сам себя распаляет.

Теперь ведь ещё решать надо, что вперёд, плыть освобождать Ригу или сначала лошадей из Швеции вывозить. Там страдают люди, здесь могут пострадать кони. Что важнее? Нет. Так считать нельзя. Без лошадей потом до дому не добраться. Придётся на десяток дней задержаться на Готланде. Кораблей добавилось, должны за две ходки всех переправить, и своих и захваченных у шведов. Да и план дальнейшей компании составить надо. Теперь ведь придётся четыре очень мощные крепости брать. Да четыре города захватывать и грабить. Хватит ли сил?

Пётр собрал на совет всех командиров сотен, Шварцкопфа, Заброжского, князей Долгорукого, Разгильдеева и Шуйского, ну Фёдора с Сагайдачным позвал. Народ даже не по-

нял, чего Пётр Дмитриевич-то сомневается, конечно, нужно громить шведов пока есть силы и боеприпасы. Там, в Вершилово, ничего плохого не случится, а тут есть возможность с извечным врагом поквитаться. Правду поди пишут в книгах, что в средние века воевали не «для того чтобы», а «потому что». Нужно удаль показать. Нужно доказать, что твоя дама лучше. Нужно силушкой помериться. Рыцари блин.

Решили так. В Ригу идём всем флотом. На всех кораблях поднимаем шведский флаг. Стараемся взять крепость и город без лишней стрельбы и желательно малой кровью. Теперь силы точно беречь надо. Если всё получится нормально, то из Риги под охраной казаков отправляем всё нажитое непосильным трудом. И кроме того всех переселенцев и гугенотов и тех, кто захочет Ригу, да и вообще Прибалтику покинуть. В Риге оставляем сотню рейтар и пусть они дождутся поляков, когда же хозяева в город вернутся, то сотня вместе со следующими гугенотами выдвигается к Вершилово. Остальные вершиловцы плывут к Пернау и тоже под шведскими флагами и в шведской форме. Там тоже нужно оставить сотню, но ляхам уже не отдаём, такая корова нужна самому. Потом Ревель. Там оставляем последнюю сотню рейтар. Стрельцы же плывут в Нарву и, захватив её, передают войску Романа Петровича Пожарского. Ну и в обратном порядке. Ревель – Пернау – Рига. Планы грандиозные. По силам ли?

Событие второе

Лукаш Сагайдачный ехал на огромном польском дестриэ, который подарил ему князь Пожарский, во главе огромного каравана. Запорожцев он разделил на три примерно равные части. Самые боевые и задиристые, числом около восьмидесяти, скакали рядом с ним во главе каравана. Потом шёл обоз вершиловцев, более трёхсот телег. Просто страшно было даже представлять, какое богатство перевозят эти парнишки. Ну, насчёт «парнишек» никто из казаков иллюзий уже не питал. На одном из первых привалов многие наблюдали, как трое этих парней обезоружили и повязали больше десятка запорожцев. Казаки полезли без очереди к полевым кухням и на замечания поваров надели миску с кашей одному из вершиловцев на голову. Всё дальнейшее заняло несколько секунд. Двенадцать казаков, лезших без очереди, лежали связанные по рукам за спиной, и у каждого на голове была миска с кашей. Казаки попытались заступиться за своих, но тут возчики достали пистолы и навели их на запорожцев. Лукаш, когда все успокоились, приказал своим смутьянов развязать и дать десяток плетей. И лишил трети, доставшейся запорожцам, части добычи.

После вершиловцев ехали ещё восемь десятков казаков. За ними следовали сто возов с гугенотами и ещё пятьдесят семь телег с рижанами, пожелавшими убраться от постоян-

ных войн в спокойное Вершилово. Замыкали огромный обоз ещё восемь десятков запорожцев.

Сейчас караван продвигался уже по территории России. Они четыре дня назад миновали пограничный Полоцк и сейчас приближались к Витебску. В Смоленске запорожцы покинут караван и отправятся через Могилёв, Гомель, Чернигов к себе. Довольны ли были казаки, что приняли предложение полковника Лукаша Сагайдачного примкнуть к князю Пожарскому в его набеге на Шведское королевство. Нет. Слово «довольны» здесь не подходило. Казаки были на грани умопомешательства. Они даже представить себе не могли такую добычу. Многие участвовали в битве при Хотине. Тогда на сорок тысяч запорожцев ляхи расщедрились и выдали 20 тысяч злотых. Получается, по пол злотого на человека. Ну, в шинок сходить хватит. Князь Пожарский сразу предупредил, что выдаст их долю в шведской монете. Да какая разница. Серебро оно и есть серебро. Евреи поменяют на злотые или рубли.

После штурма и грабежа Риги и Митава в живых осталось двести сорок семь запорожцев, причём больше тридцати были ранены. Доктора раны обработали и неделю наблюдали за ними, пока караван готовился к выходу, да пока шведов вешали. Сильно князь Пожарский на шведов осерчал. Всех, кто принимал участие в изнасиловании гугенотов, повесил, больше ста человек, в том числе и девять офицеров. Осталь-

ных заставили как раз ремонтировать стену, пока ляхи не подойдут. Потом их должны рейтары вершиловские в Смоленск доставить, в лагерь, где они будут два года камень дробить для строительства новых русских дорог. Митаву освободили после всего трёх залпов русских пушек. Шведы сдались. Почти сдались. Сотня забаррикадировалась в детинце крепости, и пришлось их брать штурмом.

Герцог Курляндии и Семигалии Фридрих фон Кетлер и не знал, радоваться ему или нет такому «освобождению» его страны. Шведы город, понятно, при захвате ограбили, но хоть не разрушили. А вот казаки и крепость разрушили и шведов ограбили, и остатки у жителей столицы Курляндии выгребли.

Перед отправкой каравана князь Пожарский выдал Лукашу долю запорожцев. На человека Пётр Дмитриевич положил тысячу марок серебром. Марка это одна четверть риксдалера. Риксдалер чуть тяжелее талера. А талер это три злотых. Получается, что князь Пожарский выдал на казака почти тысячу злотых. Сумасшедшие деньги. Каждый казак становился не просто богатым человеком, а настоящим магнатом. Можно несколько сёл купить. Лукашу Пётр Дмитриевич выдал десять сторублёвых русских золотых монет с сапфирами, вставленными в глаза императору Михаилу. Даже трудно посчитать, сколько это в злотых. Поди, все пять тысяч. Они договорились, что Лукаш привезёт в Вершилово обещанных запорожцев, что ходили с его отцов в набеги на

османские и крымские города зимой. Полковник представлял себе возвращение его отряда на Сечь. С учётом поведения ляхов перебраться в Вершилово захотят очень многие. Ну, а уж поучаствовать в очередной войне на стороне князя Пожарского вся Сечь поднимется.

Событие третье

Владимир Тимофеевич Долгоруков думал, что, представляет себе, возможности вершиловского полка. Куда там. Самым показательным из захвата крепостей был штурм Пернау. От Риги до Пернау, как сказал лоцман на их корабле, около ста морских миль. Ветер был почти попутный и семь военных кораблей доставили пять с небольшим сотен вершиловцев к порту чуть больше чем за сутки, утром отплыли, а в полдень следующего дня уже бросали якорь в порту Пернау. Но как в Риге не получилось. Шведы видно знали уже, что на их кораблях русские и открыли огонь по ним. Пришлось срочно ретироваться.

Седьмой корабль захватили в Риге. Это был двухпалубный двадцатичетырёхпушечный двухмачтовый бриг английской постройки, недавно купленный Густавом Адольфом. Корабль назывался «Меркурий».

Пришлось отойти от порта и высадить войска в восьми километрах южнее в рыбацкой деревушке Уулу. Коней с со-

бой не взяли, и пять пушек почти все эти восемь километров сподобились тянуть на себе, как и тяжелющие снаряды к ним. В этом Уулу нашлось всего две лошади. Скорее всего, местные угнали, увидев высаживающиеся войска. Пока переправляли на лодках людей на берег, тащились несколько вёрст, да пока еду готовили, настал вечер. Выставили охранение и разбили лагерь для ночёвки. А утром лагерь атаковала шведская конница. Было их чуть больше сотни. Надеяться видно врасплох застать. Наивные. Дозор их заметил издали, поднял тревогу, и шведов встретили залпом из нескольких сот ружей. После второго залпа на конях не осталось ни одного всадника. Большую часть лошадей удалось отловить и последние три километра до замка пушки и телеги со снарядами уже везли они, а не люди.

Сдаваться шведам не предложили. Подвезли пушки на дальность стрельбы и всеми пятью вдарили по одним из ворот. Только щепки полетели. Вторым залпом снесли приличный кусок стены. Третьим прицелились в пороховую круглую башню. И ведь попали. Грохнуло так, что потом ещё пару минут в ушах звон стоял. Каково же было тем, кто внутри замка. Пока у князя Долгорукого в голове звенело и шумело, спецназовцы Афанасия Бороды и польский десяток Милоша Барциковского быстро добежали до пролома и скрылись внутри замка. Раздалось несколько выстрелов, а потом всё смолкло и из разбитых ворот стали выходить и сдаваться шведы. Вот и вся война. Стоит ли строить замки и крепости?

Три залпа из пяти небольших пушек и всё. А ведь такую крепость строить несколько лет. Сколько труда, сколько денег! Как же теперь воевать? Ох и напридумывали вершиловские химики. Правильно Петруша вокруг всех своих городов стен не строит. Зачем тратить лишние деньги и силы. Пятнадцать снарядов и нет ни замка, ни крепости.

После того, как город заняли, началось его разграбление. Только Пернау или бывший русский Пернов Пётр сказал, что останется за Россией, а значит, местных трогать нельзя и кирхи тоже. Зато нашли всех шведов и купцов и городское начальство, вот их обчистили, а мужчин загрузили на подошедшие корабли. Тоже в плен в Смоленск отправятся, камень дробить для дорог.

Сам же Пётр Дмитриевич прошёлся по городу и уговорил перебраться в Вершилово нескольких немцев. Больше всего радовался зятёк, заполучив в переселенцы местного аптекаря, Кристофера Басова. Тот только год назад открыл аптеку, перебравшись из Ревеля. Кроме него были и три семьи ткачей и две кожевенников. Всего же желающих переселиться набралось без малого два десятка мастеров. Их на «Меркурии» отправили в Ригу. В городе оставили сотню рейтар под командованием Германа фон Зальма. В Риге тоже ведь сотню «немцев» оставили с их командиром Иоганном Ламарком. Так что от всех рейтар осталась только неполная сотня с сотником испанцем Хуаном де Кордовой. Первые две укомплектовали. Были ведь среди рейтар и убитые и ране-

ные. Последнюю же сотню пополнили пока татарами князя Разгильдеева. Других-то где взять. Нет, наёмники, что раньше шведам служили, просились к победителям. Только для вершиловцев это не подмога, а обуза. Пётр предложил им своим ходом двигать в Вершилово. Там определится с ними.

Самому Владимиру Тимофеевичу в его каюту на корабле «Riks-Äpplet» интересного постояльца прислали. Захватили в плен в Пернове графа Якоба Понтуссона Делагарди фельдмаршала и генерал-губернатора Ливонии. Он из Ревеля только три дня как прибыл, проверить, как город готов к обороне, по пути в захваченные Ригу и Митаву. Пришлось фельдмаршала огорчить, некуда ехать, уже не шведские ни Рига, ни Митава. Поехали назад в Ревель. Поможешь взять без боя – сохранишь не мало жизней шведских солдат, а то от кого шведки после войны рожать будут. От датчан?

Событие четвёртое

Российский император Михаил Фёдорович Романов сидел на троне в передней палате кремля и рассматривал очередной подарок Петруши. Подарок был настолько необычным, что посмотреть на него собрались и патриарх и все до единого думцы, что в Москве находились. Прибыл небольшой обоз с подарком в Москву вчера вечером. Вот всю ночь город и не спал. Слух распространился со скоростью пули. Михаилу доложили, что вокруг Кремля стоят тысячи зевак.

Обсуждают, что же теперь будет. Царю и самому хотелось пообсуждать. Только нельзя. Нужно было «подарок» срочно принять.

Прислал Пётр Дмитриевич не вазы и не конфеты. Прислал людей. Что теперь делать с ними? Люди-то не простые. Стояли они перед тронами, на которых сидели Михаил с императрицей Дарьей Ивановной и патриархом Филаретом, и переминались с ноги ногу, а со всех лавок вдоль стен шипели бояре. Не на «подарок» шипели, соображениями друг с другом делились. Им ведь тоже думать, что теперь делать.

– Принесите гостям стулья, – нарушил шипение Михаил.

«Гостей» было семеро и плюс маленькая девочка. Впереди стоял, как бы закрывая собой остальных, шведский риксканцлер граф Аксель Густавссон Оксеншерна. Чуть позади и левее высился, гордо уставившись на патриарха, рикс-адмирал и генерал-губернатор Финляндии, член риксрода Карл Кнутссон Юлленъельм, незаконнорождённый сын герцога Карла (впоследствии короля Карла IX) и Карин Нильсдоттер, дочери священника из Эстергётланда. Справа согнулся, перебирая чётки, Петер Кёнигссон, более известный как архиепископ Упсалы Петрус Кенициус семидесятилетний старичок с пышными мушкетёрскими усами. В третьем ряду по центру стояла королева Швеции Мария Элеонора Бранденбургская с младенцем на руках. Справа от неё принцесса Сигрид Васа дочь бывшего короля Эрика XIV и королевы Карин Монсдоттер. Левее королевы стоял ещё один

священник епископ Або Эрик Соролайнен. Замыкал колонну иноземцев барон Юхан Шютте – воспитатель нынешнего короля и канцлер Уппсальского университета.

Представил всех этих шведов доктор Антуан ван дер Бодль. Он по приказу Петра Пожарского сопровождал королеву и заботился о грудной Кристине Августе. Принесли стулья, дак не хватило, и барона Шютте усадили на лавку. Михаил всё это время соображал, как себя вести и кто тут у них главный. Получалось, что, скорее всего, всё-таки риксканцлер Оксеншерна. Вон вперёд вылез. От Петра Пожарского было и письмо. Он подробно описывал, как захватил крепости в Финляндии, да Уппсалу со Стокгольмом. Как потом пришлось Готланд для датчан отвоёвывать и Ригу с Митавой для ляхов, а сейчас он будет захватывать Пернау с Ревелем и Нарвой. Землицу эту Ливонию нужно обязательно в состав Российской империи включить, ибо связь это со всем миром и хорошие незамерзающие порты для торговли.

Про пленников Пётр писал, что в качестве заложников они зело полезны будут. Сговорчивее король свейский будет, коли жена его с дочерью будут «гостить» в Кремле. Писал также Петруша, что захватил он почти весь их риксрод – дума по-нашему. Некому теперь будет советы правильные Густаву Адольфу давать. Да и не станет он шибко воевать, скоро нужно послов ждть с просьбою о мире. Советовал младший Пожарский отдельно со шведами не договариваться, а настаивать на общей встрече всех королей и императора в

Нарве. Одинаковое примерно до неё расстояние от всех столиц, может только шведам чуть поближе. Отдельно просил Петруша оставить при шведах доктора ван Бодля, а до королевы с дочерью вообще никаких докторов кроме него даже близко не подпускать. Ну, дак это проще всего. Вот что с остальным делать.

– Ваше Императорское Величество, – оторвал от размышлений Михаила голос дьяка Фёдора Борисова, – Там свейский гонец прибыл, говорит, послан самим королём Густавом.

– Зови! Послушаем, что брат мой король свеев сказать хочет, – обрадовался Михаил.

Событие пятое

Силантий Коровин последний раз взмахнул косой, смахнул пот со лба и устало присел на небольшой пенёк. Всё, на сегодня достаточно. Второй лесной покос оставим на завтра. Агафья в тягости на последнем месяце, так что всё придется делать самому. Ему, скидать сено в стога, конечно, помогут, тот же Фрол Беспалый с братьями. Но вот косить? У всех и свои покосы. У каждого уже по две коровы да телёнок, да две лошади, да несколько коз. Нет. Пока ведро все шутовцы сами на покосе и мужики и жены и дети. Всем работы хватит.

Центральное село, где и школа и церковь, решили назвать

Шутово. Когда два года назад начали на этом месте дома строить для переселенцев из Реченьки, то наткнулись на следы давнишних пепелищ. Оказалось, что раньше здесь тоже деревенька была, но ляхи всех жителей убили, а кого не убили, те сами сбежали. Вот когда первые дома уже ставили, и пришла из соседней деревеньки старушка и сказала, что здесь была деревня Шутовка. Ну, Шутовка, так Шутовка. Ничем не хуже других названий. Только раз село будет, а не деревенька, то чуть изменили – стало Шутово. Теперь-то это уже большое село, да как бы и не городок. Ведь школа двухэтажная есть и церковь о трёх куполах с колокольней и заводик по производству масла по рецептам Дуни Фоминой. Кроме того две кузницы есть и две гончарные мастерские. А недавно закончили на выселке из трёх дворов большую кожевную фабрику. В селе-то строить её нельзя. Вонь стоит несусветная. Зато в селе строит себе мастерскую шорник, что с чухонцами недавно прибыл. Сам-то он свей, но жил в Ингрии и вместе с финнами был отправлен князем Пожарским ещё зимой в Вершилово, только заболел по дороге, и оставили его вместе с семьёй в Шутово. Кроме него стрельцы, что сопровождали караван переселенцев, оставили ещё двадцать три семьи. Но там все крестьяне были или рыбаки, мастерством один только Эрик и владел.

Вообще же за последнее время прибыло огромное количество переселенцев со всей Европы. Первыми ещё осенью привезли стрельцы двенадцать семей морисков. Это, как

объяснял Пётр Дмитриевич в письме, арабы или басурмане, что жили в Гишпании и их там латиняне в свою веру обратили. Но этого им мало показалось, и вот теперь вообще выселяют из страны. Морисков этих почти всех в Шутово и оставили. Трое как раз кожевниками и были их сразу на высылки и поселили. Один был гончаром и двое кузнецами. Кузню тоже чуть в стороне построили. Хоть дома и обложены кирпичом, а крыши крыты черепицей, но лучше от пожаров поберечься. Ещё один мориск Баутиста Романьоло был каменотёсом. Он буквально за седмицу нашёл выход песчаника недалеко от Смоленска. А ещё через несколько дней показал Силантию первые вытесанные им камни. Красиво. Если таким камнем обложить их новый храм, то это будет просто здорово. Не хуже чем в Вершилово кирпичный храм.

После морисков пришли свои русские. Они сбежали из-под Могилёва от своего шляхтича всем селом. Тот выгнал из храма православного священника и привёз из Минска униатского. Ну, крестьяне и решили на Русь подаваться, а в Смоленске и прознали про Шутово. Переселенцев было девятнадцать семей. Их распределили по всем поселениям князя Пожарского, а в самом Шутово оставили восемь семей.

И вот совсем недавно, буквально седмицу назад пришёл целый караван. В нём было восемь семей французов и пять семей немцев из Риги. Все они были протестантами и настаивали на том, что будут жить вместе. Так и куда их ещё девать, всех в Шутово и оставили. Две семьи гугенотов были

мастерами, что небольшие корабли делали, им домины на берегу Днепра и срубили и кроме домов ещё и сарай здоровущий. Это не Франция, тут зимой морозы, на свежем воздухе топором не помашешь долго. Там же и лесопилку поставили, из Вершилова прислали всё необходимое, даже разобранное колесо к водяной мельнице. Приехали и трое мастеров, что споро принялись собирать это на месте, уже скоро и запустят.

Ещё две семьи прибились сами из соседнего села. Они, оказывается пятнадцать лет назад в Шутовке и жили. А когда ляхи их деревеньку спалили, то перебрались на другой берег Днепра в село Верхние Немыкари. Теперь же прознали, что их родная деревня снова есть, да ещё такой красивый храм стоит в нём, да школа для детишек, да домины всем строят, не раздумывая пришли назад проситься.

На Юрьев день осенью пришли проситься ещё десяток крестьян. Силантий их принял, но чтобы с соседями не ссориться, потом, как и говорил ему Пётр Дмитриевич, съездил к бывшим хозяевам и выдал им по три кади озимой ржи «полуяровки» и три рубля за семью. Ну, даже если эти мелкие дворяне и затаили обиду, то нанести вред не смогут. Не по силам. В Шутово теперь чуть не восемь десятков семей живут, смогут за себя постоять. Тем более что прибывший в прошлом году Тимофей Смагин, тот самый стрелец, что был оставлен во Владимире со сломанной лошадьёю ногой, в Смо-

ленск в стрелецкий полк не поехал. Нога срослась не ровно, и он чуть прихрамывал. Куда хромому-то воевать? Зато он принялся местную пацанву учить из лука стрелять, ножи метать, да казацким ухваткам. А зимой мальчишки ещё и в футбол играют. Может с вершиловскими стрельцами десяток самых старших и не справятся, а вот с несколькими боевыми холопами какого-нибудь мелкого дворянчика точно разберутся. Так ведь и дальше продолжают ведь тренироваться, до следующего Юрьева дня далеко. Скоро и в Шутово будет, кому своих защищать.

Событие шестое

Башель Касин, бывший в Орначос алькальдом, а в Сале ставший раисом (пиратским капитаном) долго курсировал в Бискайском заливе на двух своих бригантинах, поджидая добычу. Он люто ненавидел испанцев, лишивших его дома и почти всего богатства. И всегда при нём, как талисман, и как напоминание о подлости испанцев, был ключ от родного дома. Дома, из которого его выгнали, как шелудивую собаку. Только с момента изгнания его из родного города в 1611 году прошло уже 13 лет. Сначала он ходил в набеги с принявшим ислам голландцем Яном Янсенем из Гаарлема, начинавшим карьеру под рукой известного алжирского пирата Сулеймана-раиса. Голландец принял имя Мурад-раис младший. Вместе обосновавшись в Сале в 1619 году, они постоянно под-

держивали связь с пиратами в Алжире, совершив ряд совместных с ними экспедиций, в том числе к берегам родной для Мурада-раиса младшего Голландии. Но в прошлом году Башель был ранен в одном из абордажей и Мурад-раис пошёл в набег на французский Бордо один. Из того похода его друг и наставник не вернулся. Попытки, что-либо узнать о судьбе соратника, ни к чему не привели.

Башель Касин купил второй корабль, из захваченных у испанцев. Теперь у него две бригадины. На каждой по двенадцать пушек и по сто человек команды. Обе абордажные команды были укомплектованы берберами и арабами, сам же экипаж был собран из головорезов со всего света. Были и эфиопы и даже трое американских индейцев, которых отбили у испанцев, захватив галеру и освободив рабов. Оба док-тора были англичанами, принявшими ислам. Даже один китаец был. Но большую часть экипажа всё же Касин набрал из своих соотечественников морисков.

Удача выпала на второй неделе, недалеко от городка Хихон они заметили голландский флейт. Не раздумывая, Башель повёл оба свои корабля на перехват. Голландцы поступили странно, они даже не подумали попытаться удрать от настигающих их бригадин. Впрочем, и шансы у них были не велики, ветер был попутный для кораблей раиса и бейдевинд для голландца. Вскоре преследуемый флейт оказался между бригадинами Башеля. Для острастки раис приказал пальнуть из пушки по ходу движения жертвы. На флейте

спустили паруса и легли в дрейф. Башель Касин уже благодарил удачу, обе абордажные команды со свистом и улюлюканием перекидывали кошки на более высокие борта голландца, когда оттуда слышались выстрелы. Что-то с огромной силой ударило корсара по шлему на голове, и он погрузился во мрак.

Очнулся Башель от того, что его окатили ведром забортной воды. То, что он увидел, открыв глаза, ему не понравилось. Вся палуба его «Зееадлера» (морского орла) была завалена трупами. Были и живые, их связали по рукам и ногам и перенесли, свалив кучей, к левому борту. Сам раис был сидя привязан к гроту и с него были сняты штаны. Бородатый воин, что окатил его водой, склонился над Башелем и что-то сказал на незнакомом капитану языке. Молодой человек, присевший на корточках рядом, перевёл на испанский.

– Ты здесь главный?

– Я, – облизывая солёные от морской воды губы, прохрипел раис.

Бородач улыбнулся и протянул Башелю фраскуэру (фляжку) с вином. Руки у капитана были связаны за мачтой, и незнакомец подержал флягу у губ раиса, давая тому возможность сделать пару глотков.

– Ты ведь мориск? – спросил через переводчика бородач.

Что-то в звуках речи показалось Касину знакомым.

– Я был алькаидом города Орначос в Андалусии, – согла-

сился раис.

– Ты слышал про Пурецкую волость? – доставая небольшой кинжал из-за пояса, поинтересовался бородач.

– Все слышали, – не понял смысла вопроса капитан.

– Так вот, у нас там только два наказания. За первое, небольшое, мы отрезаем провинившемуся ухо, – мужик легонько провёл кинжалом по уху Башеля, – За второе, если человек не понимает, даже за самое незначительное, отрезаем яйца, кастрируем, – бородач воткнул кинжал в палубу в опасной близости от причиндалов раиса.

Касин вспомнил, где слышал этот язык. Когда они с Мурадом младшим ещё плавали на галере, у них были рабы гребцы с Московии. Вот откуда эти люди. Переводит без сомнения еврей, но не моран. Тоже с Московии? Гребцы из московитов были самые лучшие, выносливые и сильные. А русские девушки, продаваемые на невольничьем рынке в Тунисе, ценились только чуть меньше чем белокожие северянки из Швеции. Но рыжие и белокожие северянки были большой редкостью, а вот русских рабынь хватало. Но как русские могли оказаться здесь в Бискайском заливе, так далеко от Московии и как им удалось справиться с его людьми. Теперь стал понятен и голландский флаг и странное поведение флейта. Это не он был охотником. Это на него охотились, а он, как последний дурак, попал в приготовленную ловушку.

Дальше с ним говорил только молодой еврей.

– Есть у меня к тебе капитан несколько коммерческих

предложений. Мне нужно, чтобы ты купил на рынке рабов две сотни русских девушек, в крайнем случае, подойдут болгарки, сербки или словачки. Только лучше всё же русские. Ты их купишь, привезёшь в Сантандер, а мы их у тебя выкупим по двойной цене, – молодой человек для убедительности показал два пальца.

– Как же я это сделаю? – не поверил своему счастью Башель.

– Мы тебя отпустим с одним кораблём. В живых осталось около семидесяти твоих матросов, правда, часть ранена. Мы сейчас обрабатываем им раны и наложим повязки, которые нужно будет менять через день. Под повязку, на рану, будешь накладывать зелёную мазь вот из этой баночки, – еврей подвинул к раису большую стеклянную штукювину, похожую на амфору, наполненную грязно-зелёной жижей.

– Может лучше рану прижечь? – Касин понял, что убивать его не будут и приободрился.

– Как тебя звать?

– Башель Касин, – холодно как взглянул на него этот юноша, как на упрямого дурака.

– Так вот, Башель Касин, почему ты знаешь про Пурецкую волость?

– Там делают кучу дорогих вещей и там делают средство от цинги, – кивнул головой капитан.

– Вот видишь. Русские гораздо умнее. Эта мазь не позволит развиться огневице или заражению. Итак, мы отдаём те-

бе одну бригантину и всех выживших матросов кроме эфиопа, китайца и двух индейцев. Этих мы оставим себе. Их не надо выкупать, – остановил странный еврей, пытавшегося предложить именно это, Башеля.

– Поменять на русских? – попытался догадаться раис.

– Нет, я заберу их с собой в Пурецкую волость, думаю, князю Пожарскому они пригодятся. Уверяю тебя, в любом случае им будет там лучше, чем на твоём корабле. Давай дальше. После того как доставишь двести русских девушек, продолжай скупать русских рабов обоего пола и возить их в Сантандер, там мы их будем выкупать у тебя по двойной цене. Да, и не надо пытаться нас обмануть, мы знаем, сколько стоит раб или рабыня в Алжире, Тунисе, Марокко. Про ухо помни. Если ты думаешь, что ты самый умный, а все вокруг глупцы, то уверяю тебя – это не так.

– Да, я и не думал об этом. Двойная цена это не плохо.

– Пошли дальше. Я знаю, что захваченное добро вы сдаёте перекупщикам за четверть цены. Бросай свой опасный промысел и становись купцом. Скупай у пиратов за четверть и продавай за половину цены нам в Сантандере. Дорогие ткани, золотые и серебряные украшения, пряности, ценные породы дерева, кроме продуктов можешь возить почти всё. Расплачиваться будем в любой валюте, какую укажешь, но советую брать русские рубли, – молодой человек положил перед капитаном две монеты, серебряную с очень чётким оттиском бородатого человека и золотую, где в глаза этого же

бородача были вставлены маленькие, искусно огранённые, сапфиры.

– Что это такое? – был поражён Касин. Таких великолепных монет он ещё не видел.

– Это русский рубль, за него дают почти два талера. Золотая монета – сто рулей. Её и за двести талеров купить не просто. Мы с тобой будем расплачиваться из расчёта, что рубль равен испанскому эскудо.

– Это всё хорошо, но как к моим визитам в Сантандер отнесутся испанцы? – усмехнулся пират.

– Сантандер, конечно испанский город и там есть свой алькальд, но фактически власть там принадлежит вот этому человеку, – еврей указал на бородача, – Кроме того мы дадим тебе русский флаг. С ним в Бискайском заливе тебя никто не тронет, кроме глупых пиратов, но ты ведь там свой. Разберутся и оставят в покое. Да ты и сам расскажешь в Сале, что трогать русских очень опасное занятие, лучше с нами дружить и торговать.

– А если бы мы расстреляли вас из пушек? – решил набить себе цену Башель.

– Наши пушки бьют дальше и стреляют не ядрами, а гранатами, которые взрываются, как несколько бочонков с порохом. Очень не советую вступать в перестрелку с кораблём под русским флагом, – еврей не врал, это Касин понял. Откуда вообще здесь взялись эти русские и почему они по всему превосходят любую другую страну. И откуда тогда берут-

ся русские рабы и рабыни. Это он и спросил у собеседника.

– Часть русских живёт в Речи Посполитой или Польше, ну и потом это оружие появилось недавно. Думаю, что скоро русские рабы на ваших рынках исчезнут. Пойдём дальше. Я перевожу в Пурецкую волость морисков на постоянное жительство. Там их никто не преследует за веру и образ жизни. Живи, как считаешь нужным, честно работай, не пей, не кури и не воруй. Хочешь, молись Аллаху, хочешь, оставайся католиком, хочешь, принимай православие. Налоги платишь только десять процентов на развитие своего поселения. Там ведь есть бесплатные школы и больницы, там вообще нет преступности, нет чумы, оспы, тифа. Там почти рай. Так вот, я буду забирать переселенцев в начале февраля, если ты привезёшь своих знакомых, то и их заберу.

– Разве такое бывает, – усмехнулся капитан.

– У русских всё по-другому. А в Пурецкой волости в особенности. Может через несколько лет, разбогатеешь и сам захочешь перебраться в лучший город в мире. Подумай!

Глава 2

Событие седьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский стоял на смотровой площадке башни «Длинный Герман» замка Тоомпеа и осматривал с почти пятидесятиметровой высоты столицу шведской Ливонии. В городе было спокойно. Теперь спокойно. А вот три дня назад, когда корабли из Нарвы привезли остатки вершиловского полка, не полных три сотни стрельцов и десяток кашеваров, всё было по-другому. Сегодня прибыли и войска его родственника князя Романа Петровича Пожарского. Теперь ведь придётся наводить порядок и в окрестностях Ревеля. Виной всему вездесущий национальный вопрос.

Почти месяц назад они заняли Ревель без боя. Расположенные в крепости два шведских батальона послушали своего генерал-губернатора фельдмаршала графа Якоба Понтуссона Делагарди и сдались. Их загрузили на корабли и отправили в захваченную уже крепость Ниеншанц, которая должна в будущем стать Санкт-Питер-Бурхом, а потом и Ленинградом. Там их должны встретить стрельцы и проводить до

Твери, где товарищи будут два года дробить камень для дороги Москва-Великий Новгород. На страже Ревеля Петру было оставить практически некого. Сто рейтар оставили в Риге, сто в Пернау, последнюю неполную сотню рейтар под командованием Германа фон Зальма и два десятка людей князя Разгильдеева пришлось оставить тогда в Ревеле.

И не справились немцы и татары с порученной задачей. Местные эсты подняли восстание против угнетателей шведов и немцев. Всё-таки до того как город захватили в 1561 году шведы, хозяйничали здесь рыцари Ливонского ордена, читай немцы. Местное население, которое называло себя маарахвас, что переводится, как народ земли, в городах было представлено в основном слугами. Жили маарахвасы, эсты, или по-русски чудь, по хуторам, выращивали рожь, пшеницу, горох и прочие продукты, и платили налоги огромные, да плюс продовольственные отряды то рыцарей, а потом шведов грабили их. Вот несколько таких отрядов и вышли за провиантом из Ревеля перед самым переходом власти к русским. Местные об этом узнали быстро, и отдавать шведам зерно отказались. Те поступили по-шведски, взяли, повесили кучу народу, поприбивали женщин к крестам, вспоров им животы, одним словом «вразумили» чернь. На горе шведам на одной из мыз неподалёку от Ревеля играли свадьбу, и народу там собралось прилично. Узнав о зверствах, учинённых на соседнем хуторе, крестьяне во главе со священником вооружились вилами и топорами, и, оседлав лошадок, двину-

лись разбираться. А шведы после тяжёлых трудов по «вразумлению» перепились и дрыхли. Так сонными и пьяными и предстали перед дьяволом, не в рай же попадают те, кто женщинам животы вспарывает.

Крестьяне получили оружие и двинулись к соседней мызе. А там в самом разгаре очередное «вразумление». Победили маарахвасы. Подошли люди и с соседних мыз. В результате полыхнуло не слабо. Всех попадающих под руку шведов и немцев убивали. Не удовлетворившись окрестностями Ревеля, крестьяне направились к городу. Там они наткнулись на разъезд служилых татар князя Разгильдеева. Ну, эти повоевали с князем Пожарским, и убить себя не дали. Отступили, отстреливаясь к замку Тоомпеа, и там заперлись с вершилловскими рейтарами. Чудь не успокоилась и стала громить лавки и дома немцев в Ревеле. На счастье в это время и вернулся Пётр со стрельцами.

Бунт подавили. Крестьяне разбежались. Но кто знает, что происходит сейчас по всей Ливонии. Начинать правление в этой части Прибалтики с массовых репрессий не хотелось. Как потом будут к русским местные относиться? Как к очередным завоевателям, с которыми надо бороться? Не хотелось царю батюшке такой подарок оставлять.

Как житель двадцать первого века генерал Афанасьев знал, что национальный вопрос нельзя решить. Казалось, Ленин со Сталиным сделали всё для республик, и территории им увеличили, и местный язык сильно не ущемляли,

и руководители всегда были из местных. Нет. Как только власть при Горбачёве зашаталась, так национализм показал себя во всей красе. Особенно прибалты и отличились. И что же делать? Книжки про попаданцев советовали ассимилировать население. Не простое это занятие в 1624 году. Завозить русских в Ливонию неоткуда. Страна после смуты и голода при Годунове в огромной демографической яме. Негде русских взять. Так ведь ещё и Сибирь с Уралом заселять надо. Поволжье пустое стоит. Значит, нужно наоборот, семьями вывозить маарахвасов на Урал и в Поволжье. Их сейчас, наверное, не больше сотни тысяч. Нужно будет с царём поговорить. А вот сейчас-то, что делать? Хозяева большей части земель немецкие бароны. Их не сильно жалко. Но тоже ведь люди и у них жёны, дети. Бунтовщики никого щадить не будут. И ни какими манифестами нарождающееся освободительное движение не остановить. Вон, против Пугачёва целый Суворов понадобился.

Ладно. Сделаем так. Немцев вне городов не много. Сидят в основном в замках. Пусть они материально пострадают. Потом с ними определимся. Итак, мир народам, земля крестьянам. Пётр велел собрать всех священников и богатых жителей Ревеля эстонской национальности. Набралось без малого сто человек.

– Давайте мы с вами, господа, поступим следующим образом, – начал по-немецки Пётр, оглядев понурых представителей коренного населения, – Теперь эта земля принадле-

жит российскому императору Михаилу Фёдоровичу Романову. Он своим указом объявляет полное освобождение от налогов на два года во всех вновь вошедших в империю землях. Более того вся земля, которую обрабатывают крестьяне передаётся в их собственность пожизненно и будет наследована их детьми. Верить можете в кого угодно. Хотите быть католиками, будьте католиками, хотите быть протестантами, будьте протестантами. Я хочу, чтобы вы сейчас прошлись по стране и передали мои слова народу. Не надо ни кого убивать. За предыдущий бунт ни с кого спрашивать не будут. Нужно, чтобы люди успокоились и вернулись на свои мызы. Ведь в противном случае по стране пройдутся войска, а чем это закончится тоже понятно. Если есть вопросы, задавайте.

Вопрос последовал незамедлительно.

– А что будет с немцами? У них ведь есть вооружённые слуги.

– Здесь останется русский гарнизон, если бароны что предпримут, то с ними уже стрельцы будут разбираться, – это была самая слабая часть плана по наведению порядка в Ливонии. Понятно, что бывшие рыцари без энтузиазма воспримут лишения их крестьян. Но лучше воевать с сотней рыцарей, чем с десятком тысяч крестьян.

Много ещё вопросов князю задали, но через час народ ушёл собираться в дорогу. Может и удастся обойтись малой кровью. Ну, а дальше думать надо.

Событие восьмое

Маркиз Фёдор Дмитриевич Пожарский страшно устал от этой войны. Надоело ему воевать. Да, и война какая-то неправильная. Сплошные переезды, то на лошадях, то на кораблях. Толком оружие пришлось применять только при захвате кораблей, да вот ещё неделю назад в Риге. Применили так, что ляхам мало не показалось. Ну, да по порядку начнём.

После того как усмирили местных в Ревеле и туда со стрельцами приплыл родственник Роман Петрович Пожарский, уже четыре сотни вершиловцев погрузились на корабли и поплыли к Пернову или, как шведы его называют, Пернау. Там всё было спокойно, местные не бунтовали, или бунт ещё до туда не докатился, всё же, от Ревеля до Пернау больше ста двадцати километров. В Пернау больше седмицы ждали, когда из Ниеншанца придут на кораблях стрельцы, что должны сменить их в этой крепости. К великой радости и Фёдора и Петра прибыли стрельцы под командованием отца – Дмитрия Михайловича Пожарского. Фёдор отца не видел с самой царёвой свадьбы, чуть не два года. Отец и не признал его сразу. Вытянулся Фёдор и в плечах раздался, почти брата догнал, а батянюку уже на полголовы выше.

Боярин Владимир Тимофеевич Долгоруков и Пётр обсудили с отцом его свадьбу с Еленой Долгорукой. Теперь-то

уже недолго осталось, думал Фёдор, но в Риге пришлось опять задержаться. Свадьбу решено было играть в Вершилово сразу после Рождества. Дмитрий Михайлович должен будет туда с сёстрами и другими родичами приехать в конце декабря. Пётр сказал, что попросит у Михаила Фёдоровича в качестве свадебного подарка титул князя для Фёдора. Эх, быстрее бы уж домой, в Вершилово.

Но в Риге пришлось и повоевать и задержаться. А всё ляхи. Они когда узнали, что русские и Ригу и Митаву у шведов отбили, и что в городе всего сотня рейтар, пришли целым войском отвоёвывать её. Зачем? Пётр, оставшемуся там старшим Виктору Шварцкопфу строго наказал с ляхами не вступать в баталии, город передать спокойно и дожидаться возвращения вершиловского полка. Только гетман Лев Сапега решил город взять штурмом, а русских перебить. В результате неожиданного нападения, ляхи убили пятерых рейтар и ранили ещё семерых, но и сами убитыми и ранеными потеряли несколько сотен. Вершиловцы смогли отступить и затвориться в крепости. В это время в порт и зашли семь кораблей с Андреевским флагом. А когда люди стали сходить по мосткам на берег их обстреляли польские драгуны.

Дорого это ляхам обошлось. Шесть сотен вершиловцев, вооружённых новейшими патронными ружьями, это сила. Войска Сапеги гнали до самой темноты. Почитай несколько тысяч воинов Речь Посполитая потеряла. Когда на следующий день убитых раздевали и в горы складывали, нашли

и самого Великого гетмана Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапегу. Его раненый лях опознал. Раненых перевязали и пока в пригороде Риги оставили под присмотром местных жителей, а что ещё с ними делать. Россия ведь с Речью Посполитой не воюет. Только вот убитых насчитали больше двух тысяч. На пятый день после этого побоища пожаловал парламентёром ещё один гетман, на этот раз Польный гетман литовский Кшиштоф Радзивилл. Пётр так на ляхов разозлился, что сначала не хотел и разговаривать с гетманом. Еле его князя Долгоруков и Шуйский уговорили, союзники ляхи ведь. Фёдор при этом разговоре присутствовал и в тысячный раз поразился, как у брата так получается, что все его слушаются. Он не кричит, не угрожает, а никому и в голову не придёт, слово против сказать. Радзивилл вон целый гетман, а молча выслушал и только вздохнул.

Пётр потребовал семьям пятерых убитых вершиловцев выплатить по десять тысяч злотых, а раненым по тысяче злотых и предупредил, что русские не покинут Ригу, пока всё до последнего гроша не получат. Кроме того русские купцы больше не будут платить пошлины в Риге.

– Я ведь не могу такое даже пообещать, – схватился за голову Радзивилл, – Этого даже король не сможет выполнить. Тут необходимо решение сейма.

– Идите, решайте.

– Но ведь мы союзники.

– Объясните это семьям пятерых погибших от ваших рук.

– Но поляков полегло несколько тысяч, – воздел руки к небу гетман.

– Я своего человека ценю как примерно тысячу ляхов. Сдаётся мне, что если через неделю деньги не будут выплачены, и требования по купцам не одобрены сеймом или королём, то я двинусь со всеми силами на Варшаву.

– Но за неделю отсюда не добраться до Варшавы.

– Да, плевать мне. Дайте обещание от своего имени. Если ваши не согласятся, то ровно через год я начинаю войну и на этот раз Великим Княжеством Литовским не ограничусь. Краков и Варшава будут стёрты с лица земли. Более того, договорюсь, чтобы османы с юга напали.

– Как же можно из-за одного дурака Сапеги столько бед на Речь Посполитую накликать? – опять воздел руки к небу гетман.

– Ладно, – Пётр тяжело вздохнул и сел на лавку, что стояла у стены, – Пусть будет так. Речь Посполитая выплачивает деньги убитым и раненым в том объёме, что я озвучил. Деньги нужно привезти в Вершилово до Рождества. Мы сейчас покидаем Ригу. По беспощинной торговле русских купцов обсуждайте в сейме, но если хоть один человек с вот таким Андреевским флагом будет недоволен, как с ним обошлись в Риге, то я начинаю войну. Не Российская империя, а я лично. Поверьте, это гораздо страшнее. Всё. Скачите деньги собирать, послезавтра занимайте Ригу.

Событие девятое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский дал себе слово больше в войнах не участвовать. Полная хрень получается. С учётом того, что ещё три недели минимум от Риги до дома добираться, да ещё ведь и в Москве придётся задержаться, политику партии царю объясняя. Так ведь, скорее всего, одним Государем-императором не отделаешься, и Дума захочет послушать про самоуправство «щенка», и патриарх Филарет опять со своими монастырями привяжется. Нет. Ничего против монастырей Пётр не имел, но дурацкая привычка окружать их дорогущими высоченными каменными стенами, вызвала из глубин сознания жадность. Понятно, что раньше монастыри были ещё и крепостями, но теперь на Россию никто не нападёт, ну, по крайней мере, до Волги точно не дойдёт. В итоге получится, что целый год дома не был.

Стоит ли Ливония того? Если генералу Афанасьеву память не изменяет вся Эстония чуть больше сорока тысяч квадратных километров. Но это вся. В Тарту или сейчас в Дерпте ляхи. Значит, минус половина территории, получается где-то двадцать тысяч квадратных километров. И самое печальное, что все три города, что он захватил, это далеко не Рига. Там есть река Западная Двина. Очень удобный маршрут. Что ж, придётся строить другой. Ни куда не деться, нужно будет возводить на болоте Ленинград. Там водный маршрут.

рут до Великого Новгорода и даже до Великих Лук, Ну, а там и Смоленск недалече. Придётся строить по этому маршруту «ямы», только на голубых дорогах. Ладно, до этого дожить надо. Сейчас домой.

Не получилось. На утро 15 августа был назначен выход полка и обоза с частью добычи домой, но вечером 14 прибежал с порта посыльный. Прибыл корабль из Франции, привёз сто семей гугенотов. Блин, это же сто телег. Пришлось два дня носиться всему полку по Риге и окрестным сёлам и хуторам и за огромные деньги скупать телеги. Благо хоть коней хватало. Только это ведь страшно подумать насколько скорость уменьшится. Теперь назначили торжественный выход из Риги на 17 августа. И опять не получилось. Причём не получилось, так не получилось. Рано утром в порт пришло сразу семь кораблей. И все с переселенцами в Вершилово. Привёл караван Якоб Ротшильд. Вот ведь «удача». И ведь не бросишь.

Ляхи вели себя ожидаемо. В город зайти 16 числа они побоялись. Разбили лагерь в нескольких километрах и «дисциплинировано» ждали, когда вершиловцы уберутся. Даже парламентёра побоялись прислать, поинтересоваться, что опять не так. Но оставлять Ротшильда с тонной платины, несколькими тоннами какао-бобов, произведениями искусства, и несколькими тысячами переселенцев было нельзя. Шляхта! Тормозов нет. Пока зубы есть будут кусаться.

Привёз Якоб почти двести семей морисков. Если считать

в семье по шесть человек, то получится тысяча двести. Ещё еврей прихватил и своих. Ну, или почти своих. С кораблей сошли двадцать семь семей марранов. Это евреи, которых в Испании окрестили. Но сейчас Филипп решил и от них избавиться. Вот кто первый нацист, куда там Гитлеру. Кроме жителей Пиренейского полуострова Ротшильд привёз почти сотню семей рижан и других прибалтийских немцев. Они уплыли вместе с ним в Испанию, когда город шведы захватывали, и вот теперь вернулись. Просто молодец Якоб. Это ведь ещё около тысячи человек. Одно маленькое «но». Где теперь взять триста двадцать телег? И без того все в Риге и её окрестностях скупили.

Пётр бросился в порт. Речные судёнышки были. Хоть до Витебска можно часть людей доставить. Туда сразу и гонца отправил, пусть скупает телеги и лошадей. Но по Западной Двине тысячами лоды не плавают. На зафрахтованных плавательных средствах едва треть уместится. Пришлось отправлять парламентёров к ляхам. «Продайте милостивые панны сто пятьдесят – двести телег. И мы уберёмся. А то не уберёмся». А что, продали. Вот как не терпится оказаться от русских подальше. Правильно, вся дорога на Митаву, куда отступали доблестные «лыщари», завалена горками и горищами польских трупов раздетых. Даже у человека с крепкими нервами появится желание оказаться от этого «ландшафтного дизайнера» подальше.

Одним словом, выехали только двадцатого августа. И за первый день проделали «целых» десять километров. Нахатанные телеги постоянно ломались. Люди постоянно хотели есть и пить. Полевые кухни не справлялись. Их просто не было рассчитано на добавку в три тысячи переселенцев. Опять вперёд полетели десятки, скупать по окрестным сёлам всё съестное. Так ещё ведь и умирали люди. Нужно было хоронить их.

На пятый день, когда более-менее организовали движение, Пётр оставил караван. Перед этим в Вершилово гонца отправил, пусть собирают хорошие телеги и выдвигаются к Смоленску, и все резервные полевые кухни прихватят. Сам же с двумя десятками Афанасия Бороды, десятком Бебезяка и польским десятком, помчался в Москву. До него дошёл слух, что царь ввязался в войну с Крымским ханством на стороне Османской империи. Ничего подобного Пётр из истории не помнил. Полная ерунда. Неужели Османы воевали с крымчаками, своими самыми верными вассалами и кормильцами. Ну, тут грех не поучаствовать. Тем более что и силы есть. Нет, не вершиловский полк. Казаки есть прикормленные и деньги есть. Непременно нужно поучаствовать. А ещё по дороге нужно посетить Силантия Коровина. Определиться нужно, сколько семей переселенцев можно оставить в смоленских вотчинах. Вершилово не готово к приёму такого числа, нужно хоть немного пристроить по дороге. А ещё нужно в Москве часть переселенцев по воде отправить, всё

скорость увеличится, да и прокормить людей будет проще. А вообще, нужно выстраивать логистическую цепочку для желающих перебраться в Россию, судя по общению с Якобом Ротшильдом, из Испании, Алжира, Туниса и Марокко теперь пойдёт целый поток морисков, марранов и славян. С одной стороны замечательно, а с другой о людях нужно в пути заботиться. Что бы Ротшильд делал, если бы они не оказались в Риге, ушли бы на несколько дней раньше. Однозначно бы не справился. Где бы он в разорённом городе столько телег и лошадей нашёл? А продовольствие на три тысячи человек? Повезло бывшим испанским подданным и немцам.

Событие десятое

Томас Ман родился в Лондоне 17 июня 1571 году. Происходил он из старой семьи ремесленников и торговцев. Его дед был чеканщиком на лондонском монетном дворе, а отец торговал шёлком и бархатом. Рано потеряв отца, Томас Ман воспитывался в семье отчима, богатого купца и одного из основателей Ост-Индской торговой компании, возникшей в 1600 году. Пройдя обучение в лавке и конторе отчима, он начал, лет с восемнадцати, службу в Левантской компании, торговавшей со странами Средиземноморья, и несколько лет провёл в Италии, ездил в Турцию и страны Леванта – Сирию, Палестину, Ливан. Ман быстро разбогател и приобрёл солидную репутацию. С 1612 года Томас жил в Лондоне, где

женился на дочери богатого дворянина. В 1615 году он впервые был избран в совет директоров Ост-Индской компании, и вскоре стал искуснейшим и активнейшим защитником её интересов в парламенте и в печати. Позже он отклонил предложение занять пост заместителя управляющего компанией и отказался от поездки в Индию в качестве инспектора факторий компании. Путешествие в Индию длилось не менее трех-четырёх месяцев в один конец, и было сопряжено с немалыми опасностями: бури, болезни, пираты.

В 1622 году Ман, как один из самых видных людей и в Лондонском Сити, могущественном буржуазном сообществе, и в Вестминстере, вошёл в специальную государственную комиссию по торговле, которая представляла собой совет экспертов из Сити при короле. Он был влиятельным и активным членом этого совещательного органа.

В 1621 году выходит его трактат «Рассуждения о торговле Англии с Ост-Индией, содержащее ответ на различные возражения, которые обычно делаются против неё». В этой книге он доказывал, что, для того чтобы увеличить богатства страны, нужно следовать следующим рекомендациям: во-первых, добиваться положительного торгового баланса, «продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них»; во-вторых, не копить деньги как сокровище, а использовать их в торговых операциях, расширять торговлю – «вывоз наших денег является средством увеличить наше богатство»; в-третьих, быть экономными в расхо-

дах, избегать расточительства, излишеств, порочной праздности. Ссылаясь на пример трудолюбивых голландцев – соседей англичан, Ман осуждает тех, кто, «предаваясь удовольствиям, и в последние годы, одуряя себя трубкой и бутылкой, и уподобляясь животным, посасывая дым и выпивая за здоровье, друг друга», утрачивает обычную доблесть, которую англичане «часто так хорошо проявляли и на море, и на суше». Ман считал также что, условием роста богатства нации служит не только выгода внешнеторговых связей с другими, но и развитие собственной промышленности, ремесленного и мануфактурного производства, судоходства, обработка собственных земель, вовлечение населения в производительный труд. Он высказывался за производство товаров из иностранного сырья. «Эти производства дадут работу множеству бедного народа и увеличат ежегодный вывоз товаров за границу». «Мы должны, – писал Ман, – стараться изготовить как можно больше своих собственных товаров». «Там, где население многочисленно и ремесла процветают, там торговля должна быть обширной и страна богатой».

Как давно всё это было. Уже два года Томас жил в Вершилово. Этот князь Пожарский без его подсказок воплотил всё это в жизнь. Более того, ехавший в Пурецкую волость поучить «диких русских варваров», англичанин понял, что учиться как раз нужно ему. Эх, если бы король Яков занимался делами страны хотя бы в половину от того, как это делает Пётр Дмитриевич. Но нет, пиры, фавориты, ненужная

война с католиками. А ещё Томас отчётливо понял, что не хочет уезжать из Вершилово. Он всё откладывал и откладывал возвращение в Англию, пока это не стало проблемой. Речь Посполитая, Дания и Россия сцепились со Швецией. И теперь попасть в Англию морем из Риги стало невозможным. Оставался ещё путь через Архангельск. Но ведь в Ингерманландии тоже идёт война. Ехать через всю Европу до Кале было и вовсе самоубийством. Все немецкие земли охвачены войной католиков с протестантами.

Что ж, в Вершилово народ был уверен, что эта война со Швецией надолго не затянется. «Куда свеям с Петром Дмитриевичем тягаться, он их на ноль умножит» – ответил на вопрос Мана о продолжительности войны один из купцов, допущенных в Вершилово. Здесь жила его семья и воровать секреты производства фарфора или зеркал купец не собирался. Сам всё одно не наладишь такое производство, а так семья живёт в лучшем городе мира. Дети ходят в школу, играют в футбол и тренируются со стрельцами. Образование и доктора бесплатны. Так и какое образование. Томас видел учебники по математике за пятый и шестой класс школы и ничего в них не понял. Слишком сложно. Такому не учат ни в одном университете Европы. А на днях напечатали и учебник по математике за седьмой, последний, класс школы. Его Томас ещё не видел, но зато слышал разговор двух своих соотечественников Уильяма Отреда и Генри Бригса, те сетовали, что в Европе его даже не стоит издавать. Никто не пой-

мёт. Слишком далеко ушли вершиловцы вперёд. Смешно. Ман слышал, что князь Пожарский пригласил математиков со всей Европы, чтобы они писали книги в Вершилово и продавали их в Европе. Так он хотел прославить свою страну. А теперь не получается. Россия сейчас на сотню лет обогнала вшивую вонючую Европу. Сейчас приезжающие из Европы профессора начинают учиться в школе с третьего класса. Доктора наук сидят за партами рядом с десятилетними девочками. Россию не надо прославлять. Пора кордоны ставить. Со всех стран едут учиться сюда. И не только наукам. В Европе, поди, и художников не осталось – все здесь.

А ещё недавно открыли новое учебное заведение – семинарию. О самом здании нужно отдельно целую книгу писать. Но здание не главное. Главное преподаватели. Папа Римский прислал целый десяток, патриарх Иерусалимский семь человек, патриарх Константинопольский четверых. Кроме того приехали преподаватели из Греции и Сербии. Россия отстаёт в образование священнослужителей. Хм, надолго ли. Скорее всего, произойдёт то же, что и с математиками. Все лучшие богословы будут здесь. А кто будет там?

Ехать в Англию, тем не менее, надо. Томас договорился с князем Пожарским о вхождении того капиталом в Ост-Индийскую компанию. Пётр Дмитриевич был согласен на любую сумму, хоть на миллион рублей. Ман представлял себе, как сразу десятки кораблей плывут в Индию. Сколько это принесёт прибыли. Ещё они с князем Пожарским и его со-

учредителями банка «Взаимопомощь» Баракком Бенционом и Якобом Буксбаумом договорились об открытии филиалов банка в Лондоне и Манчестере. Здесь уже Ост-Индийская компания входит своим капиталом в двадцать пять процентов.

Был ещё один вопрос, который они обсуждали. Пётр Дмитриевич предлагал организовать переселение католиков из Англии и Ирландии в Россию. Здесь, со слов князя, им никто не будет препятствовать соблюдать любые обряды. Ман не особенно горел желанием влезать в религиозные дразги, но так как Пожарский согласился на все его предложения, то отказать ему в такой малости Томас не смог. Ему не жалко, пусть эти смутьяны живут в России.

Событие одиннадцатое

Лодья ходко шла подгоняемая десятком пар вёсел, ветром и течением реки. Кроме двадцати гребцов на лодье было ещё трое казаков, вогул, которого взяли толмачом, и Яков Никитич Шульга – младший сын мэра Миасса, Никиты Михайловича Шульги. Шли по реке уже полную седмицу. Река виляла сначала среди болот, но теперь, после того как Миасс влился в более многоводную Исеть, что с одного из местных языков переводится как «много рыбы», потекла спокойней. На последней стоянке вогул, что плыл с ними ушёл на охоту, но вскоре вернулся с чужаками, которые и рассказали, что

река эта называется Исеть, и что скоро она вольётся в большую реку, которые местные называют Тобол.

Теперь Яков, сверившись с наброском, что прислал князь Пожарский весной, представлял, где они находятся. Осталось им вёрст сто пройти по Тоболу и потом свернуть в правый приток, который называется Тура, ну и ещё вёрст сто против течения и вот она Тюмень. Местные татары называют её Чинги-Тура. Тура на их языке означает город, поэтому и реку так называли. Экспедиция должна приблизительно нарисовать карту тех мест, по которым плывут, ну, и самое главное, забрать в Тюмени старшего сына Шульги Ивана. В том, что получится увезти брата с собою, Яков не сомневался. Выкупят они его у тамошнего воеводы, не зря же везут почти кило самородков золотых, что намыли у истоков Миасса.

В этом году переселенцев было особенно много. Сто три семьи прибыло в начале лета. И всего русских только шесть человек. Это совсем молодых мастеров прислал князь Пожарский. Трое пятнадцатилетних вершиловца женились перед отправкой в Миасс, вот три русских семьи и получилось. Зато мастера они в таких ремёслах, что на Руси всего несколько человек умеют. В остальном же мире никто этими знаниями и не владеет. Первый мастер Никита Сумароков бумагу будет делать. Второй – Павел Трегубов, валенки будет катать. Третий – Иван Костромин, колокольный мастер.

Такие колокола, что в Вершилово умеют лить, больше никто и не может. Они и красивые и звук чистейший. Пока в Миассе только один колокол всего есть, на православном храме, его из Вершилово и привезли.

Зато среди остальных переселенцев другие мастера есть. В начале лета первым заходом прибыли пятьдесят семей чухонцев. Но эти все крестьяне и пару семей рыбаков. Зато вторым заходом приплыли настоящие мастера. Называли они себя морисками. Как объяснил их старший, через толмача, что прибыл в Миасс детей учить в четвёртом классе, это басурмане-магометане, которых насильно крестили в Гишпании. Теперь же их король Филипп совсем озверел и просто выгоняет их из страны. Кто же так делает? Тем более что не лодыри они, вон корабелы их какую лодью лёгкую и прочную, да быстроходную сделали.

Кроме корабелов прибыли и каменотёсы и шорники и кожевники и плотники, даже металлурги и рудознатцы есть. Теперь-то наладится жизнь в Миассе. Ведь кроме перечисленных ещё пять семей ткачей прибыло и одна семья портного. Этот привёз новое вершиловское чудо – швейную ножную машинку. Яков посмотрел, как мориск этот шьёт. Быстро и строчка ровная. Вовремя все эти мастера прибыли. Как раз и шерсти скопилось и льна не мало весной посеяли, да и конопли тоже. Пацаны крапивы насушили прошлым летом целый амбар.

Сильно Якову в Миассе понравилось. Вот ведь Туринск,

откуда его выкрали по поручению князя Пожарского, тоже новый городок, да и недалече он где-то, а только это день и ночь. Здесь ровные прямые улицы, что начали засыпать щебёнкой и гравием, что пленные торгуты дробят и вогулы, что недавно напали на пасших недалеко от Миасса в горах овец башкир. Только башкиры вовремя заметили разбойников и весть на заставу дали, а прискакавшие стрельцы быстро объяснили дикарям, что не с теми они связались. Так что теперь больше двадцати человек в остроге камень дробят. Старожилы Миасса уже и двухэтажные терема себе рубят и по четыре коровы держат. Богатеет народ. А что, налоги платить не надо. Только десятина церковная, да десятина на развитие самого города. На те же улицы и школу. А домины какие у народа? С двумя печами, что топятя по белому, с окошками, что стёклами настоящими закрыты. Когда солнце в окнах-то отражается, красота какая. Да в каждом доме посуды полно чугунной и горшки и сковороды. На Руси ничего подобного нет. Там и бояре некоторые беднее живут.

Вот ещё брата он выкупит, и лучше прежнего заживут новые дворяне Шульгины.

Событие двенадцатое

В Шутово въехали поздно вечером, уже даже стемнело. Пётр об этой своей вотчине знал только по паре писем, да и то последнее было больше года назад. Даже точного место-

положения не знал, пришлось заезжать в Смоленск и искать там товарища воеводы Фому Исаева. Богатырь вершиловцам обрадовался и всё зазывал их в гости, но Пожарский, понимая, что нужно спешить, предложил сделать наоборот. Вот, все вместе, и въехали в Шутово уже в сумерках. Силантий Коровин князя с Исаевым пригласил к себе, а остальных вершиловцев разместил в школе. Так и где ещё можно обустроить четыре десятка человек. Пожарский взял с собою десяток Бебезяка, два десятка Афанасия Бороды и польский десяток Милоша Барциковского. А вот коней раздали по дворам, все одвуконь, так что почитай чуть не сотня их получается.

Пётр так вымотался за два последних дня в дороге, что заснул ещё за столом. Он смутно помнил, как Фома помогал ему добраться до лавки, а потом, как вырубил. Проснулся он от выстрелов. Сначала подумал, что снится. Кому здесь в Смоленске стрелять? Но грохнуло где-то поблизости, и Пётр скатился с лавки на пол и на четвереньках бросился к окну. Вот же, твою мать! Ляхи. Здесь в нескольких десятках километрах от границы. Поляков было десятка три. Они гарцевали на лошадях на небольшой площади, что образовалась, ограниченная с одной стороны храмом, с другой теремом Коровина, а с третьей забором футбольного стадиона. Ляхи были в гражданской одежде, выделялись несколько человек, явно шляхта, красными жупанами. Пожарский знал, что в 1613 году сейм запретил мещанам, за исключением членом

магистрата, ношение одежды из дорогой ткани, дорогих мехов, «кроме лисьих и иных подлейших». На шляхтичах были суконные венгерские шапки – магерки, Пётр осенью и весной и сам такую носил. Эти же и летом выперлись, ну как же, нужно показать, что ты благородных кровей и тебе соболь по карману и разрешён.

Паны ездили по площади кругами и напомнили Афанасию Ивановичу фильмы про индейцев, те по замыслу ГДР-овских кинематографистов, тоже носились по площади кругами и палили в воздух. Рядом с князем у окна оказался Коровин.

– Силантий, что это за представление, часто у вас так? – Пётр отпрянул от окна, какой-то поляк пальнул из пистоля по дому и разбил стекло.

– В первый раз. К нам в прошлом году крестьяне из-под Могилёва пришли, почитай два десятка семей. От пана своего сбежали, тот церкву православную закрыл и в латинскую веру хотел холопов своих обратить, вот они всем селом и утекли на Русь. Ко мне попросились, ну я их пожалел и взял. Пан их, поди, явился. Что теперь будет? – староста виновато опустил голову.

– А что теперь будет? Правильно ты крестьян забрал. Молодец даже. А с этими сейчас разберёмся. Школа далече? – Пётр снова выглянул в окно.

Часть ляхов спешила и заряжала пистолы с пищалями и мушкетами. Пётр их даже пересчитал. Получилось пять

шляхтичей и двадцать семь человек попроще. Хотя, в Польше полно очень бедной шляхты, которая себе и коня-то позволить не может. Живут вот такими телохранителями при более богатых. Итого тридцать два человека. Да, если бы они вчера не приехали, то всё могло кончиться довольно печально. Только бог оказался на стороне православных. Именно сейчас в школе четыре десятка спецназовцев, понятно, уже проснулась и ... Стоп. Там ведь десяток ляхов. Они, конечно и в Вершилово пожили и воевали со шведами здорово, но тут ведь не шведы. Тут свои. Как себя будущие «рулетчики» поведут. Ну, что ж. Вот и проверим.

– Школа, спрашиваю, далеко? – повторил вопрос Пожарский.

– Метров триста, на въезде в село.

– Точно, – Пётр вспомнил, как они проезжали поздно вечером вчера двухэтажное здание, – Фома где?

– В школу и пошёл с петухами, – махнул на запад Коровин.

– В доме кто ещё?

– Жена и дочка, три дня как народилась, – расплылся в улыбке Силантий.

– Дверь заперта изнутри? – Коровин отпрянул, – Силантий, бегом дверь запри, и завали чем под руку попадётся. И пистолы мои принеси. Да и одежду, – Пожарский оглядел себя. Воевать собрался, в одних подштанниках. Позор.

Коровин успел. В дверь забарабанили.

– Отворяй, пся крев!

Пётр решил, что самое время начать переговоры.

– Чего надо, – выкрикнул он из разбитого окна.

– Отворяй, кажу, и замкний сен ты, быдлаку хамски!

Какой-то перебор. Пётр за шесть лет общения с Янеком Заброжским польську мову немного освоил и понял, что его сейчас обозвали «быдлом».

– Ещё раз спрашиваю, чего на... – Договорить он не успел. По окну выстрелили из пистоля и тот же противный голос снова заорал.

– Замкний сен, ты пердолоны в дупэ ты! Отворяй дрзви.

Ну, вот теперь ещё и засранцем обозвали. Бабах. Пётр целился в крикливого. Этот был в сером ермяке, а значит, не был тут главным. В ответ шарахнули, так шарахнули. Кто их воевать учил. Поди, все до единого выстрелили, и теперь оружие опять разряжено. Но проверять Пётр не стал. Да и не понадобилось. Раздались выстрелы из-за забора стадиона.

– Шляхтичи живыми нужны, – завопил он во всё горло.

Через десять минут, когда трупы отволокли в одну сторону, предварительно раздев до исподнего, а раненых и живых в другую, тоже раздев, мало ли, вдруг, кто кинжальчик припрятал, Пётр прошёлся перед пленными. Их осталось не много. Двое в красных жупанах были ранены и их сейчас перевязывали спецназовцы Бороды. Один же был невредим. Кроме этих троих было ещё трое раненых и двое просто сдавшихся. Ну, вот, а шуму было. Быдлом обзывали и за-

сранцем. Не сдержанный на язык лях сейчас ответить за свои слова не мог, Пожарский не промахнулся, но ведь паны-то могут.

– Милош, спроси, кто тут главный, – попросил Пётр польского десятника.

Надо отдать им должное, весь польский десяток посчитал себя вершиловцами и в соотечественников стрелял без угрызения совести.

– Этот вот и есть. Это поветовый хорунжий Анжей Вельгурский. Он подчиняется каштеляну, в его обязанности входит организация посполитого рушения в повете, – после короткого разговора с единственным не раненым шляхтичем ткнул в того пальцем Барциковский.

В это время господин хорунжий вскочил и с пеной у рта стал орать на Пожарского.

– Чего хочет-то? – утерев с лица, слюни Вельгурского, поинтересовался Пожарский.

– Он говорит, что ты вор, украл его холопов, и за это он вызывает тебя на поединок на саблях, – перекрестившись, перевёл Милош.

– Сломайте ему руку правую и кастрируйте, – повернулся Пётр к Бебезяку, – Потом его одного, в исподнем, вываляйте в навозе и доставьте до границы с Речью Посполитой, – это Пётр уже товарищу воеводы Смоленска Фоме Исаеву сказал.

– А с остальными что делать? – усмехнулся богатырь.

– У вас же сидят в остроге ляхи, камень дробят для до-

рог, вот и этих к ним добавьте. Убитых погрузите на телегу и на границе свалите кучей. Но это всё успеется, а сейчас пойдёмте, позавтракаем, а то эта войнушка аппетит нагуляла.

Покинули Шутово утром следующего дня. Пётр обошёл все производства, осмотрел собранную в риги рожь и пшеницу. Подсказал кое-что Силантию, но в целом остался доволен. Хороший городок получается. Весь день топоры стучали, это приехавшим недавно гугенотам и рижанам дома строили. Пётр поинтересовался у Коровина, сколько ещё человек он сможет принять.

– Да, думаю, что полста семей сдую. За два месяца, до морозов успеем дома построить, да печи сложить. Брёвна и доски заготовили, кирпичи и черепицу обожгли, – обрадовал князя управляющий.

Не ошибся Пётр Дмитриевич, его сюда старшим посылая. Молодец Силантий. Нужно будет ему сюда пару человек прислать, что шестой класс закончили. И переводчики готовые и детишек учить будут, а в следующем году и настоящих выпускников школы несколько человек послать можно. Да и про протестантского священника подумать надо.

Событие тринадцатое

Сигизмунд Ваза – король Речи Посполитой сидел на том же стуле в той же комнате ратуши в Риге, что и два с половиной года назад, и точно так же его собеседником был гет-

ман Кшиштоф Радзивилл. Точно так же за окном был унылый пейзаж разграбленного города. Ну, может гарью не вомяло. Захватившие город шведы его в очередной раз ограбили, и при штурме часть домов сгорела, но идущие уже вторую неделю дожди хоть с этой бедой помогли справиться. Русские город отбили и повели себя очень странно, вместо того, чтобы грабить, то, что осталось от шведов, они наоборот часть добра вернули горожанам. Об этом королю рассказали бургомистры города Николай фон Экк и Томас Шенинг. Сигизмунд в дела городского совета не вмешивался, хотя бы иметь двух бургомистров, пусть будет два. Сейчас оба были на городских стенах, восстанавливали проломы, что проделали сначала шведы, а потом и московиты.

Ещё пять лет назад это был самый большой город Речи Посполитой, население доходило до тридцати тысяч, но три войны, одна осада и четыре штурма своё дело сделали, по словам Томаса Шенинга сейчас и половины не осталось. Часть убита, часть разбежалась по соседним городам, в том числе и в русский теперь Пернау, и самое ужасное, больше двух тысяч человек ушли с русскими. Причём ушли мастера, а не трубочисты с рыбаками. В результате, сейчас в городе не более пятнадцати тысяч человек. И ещё ведь не все беды. Шведы перегнали из Риги все корабли, и что с ними сейчас неизвестно, вполне могли и московитам достаться. Один из главных доходов – торговля, теперь практически отсутствует.

Король тяжело вздохнул, отошёл от окна, снова сел на стул и тяжело уставился на гетмана.

– Я не буду платить этому щенку ни одного гроша, – Сигизмунд ждал возражений Радзивилла, чтобы обрушиться на него с гневной речью.

– Это ваше право, Ваше Величество.

– Ты бы, конечно, заплатил?

– Вы король, да и сейм, я думаю, будет категорически против, – развёл руками гетман.

– Ты боишься, гетман, этого щенка? – зло смотрел Сигизмунд прямо в глаза Радзивиллу.

– Ваше Величество, вы не видели горы трупов, что оставили от войска Льва Сапеги люди этого «щенка», – Кшиштоф Радзивилл перекрестился на, висевшее на стене распятие, – При внезапном нападении нашего лучшего войска они потеряли пять человек, а мы больше двух тысяч.

– Это я уже слышал! Как им это удалось? – король вскочил со стула и вновь прошёл к окну.

– Я допросил выживших. Они говорят, что русские мушкетеры стреляют намного дальше наших, намного точнее и намного быстрее.

– Но ведь у Сапеги было больше пяти тысяч, а у этого Пожарского, как вы говорите, всего несколько сотен, – Сигизмунд закрыл окно, шёл мелкий дождь, было промозгло, и горящий камин давал больше дыма, чем тепла.

– Наши просто не могли подойти на расстояние выстрела. А когда началось бегство, то казаки, что переметнулись на сторону русских, довершили избиение. Я пять дней хоронил убитых. Причём Пожарский поступил с ними как всегда. Убитые были раздеты, с них сорваны кресты и все были свалены в огромные кучи, просто горы тел. Я боюсь, что те, кто видел это, воевать против русских не смогут. Трус не воин, а паникёр и дезертир. Даже я трижды подумаю, чем связаться с полком из Пурецкой волости.

– Гетман, я же сказал, что не заплачу этому сатане ни единого гроша. Объясните мне, зачем Сапеге нужно было нападать на русских.

– Полковник Домашевский говорит, что в городе была всего сотня москвитов, и гетман решил, что справится с ними и легко возьмёт Ригу, – Радзивилл снова перекрестился, – а получилось, что в это время основные силы выгружались в порту с кораблей.

– Но ведь у нас союз с Михаилом, холера ясна!

– Что ж, теперь Сапеге проще, с него уже не спросишь. Хотя, Ваше Величество, если объявить гетмана предателем и врагом Речи Посполитой, то можно добиться на сейме решения об изъятии всех земель и имущества у наследников, в том числе и у его сына Яна Станислава, который сейчас маршалок великий литовский. Хоть Лев и является моим родичем по второй жене Эльжбете, но я всегда его недолюбливал. Если продать потом земли и имущество, то денег на выпла-

ту князю Пожарскому хватит, – Кшиштоф умоляюще воздел руки к небу.

– Нет, гетман. Об имуществе я подумаю. Это будет оправданием перед Михаилом, а платить щенку я не собираюсь. Не пойдёт же он, в самом деле, войной на всю Речь Посполитую с одним полком?

– Кто знает, – прошептал себе под нос Радзивилл.

Король не услышал, он опять смотрел в окно на пустой город. Эта война не принесла Речи Посполитой ничего. Вся Лифляндия захвачена русскими. Да, теперь можно не опасаться Густава Адольфа. Зато теперь нужно опасаться Российской империи. Матка бозка, оборони Речь Посполитую.

Глава 3

Событие четырнадцатое

Испанцы побежали только после третьего залпа. Вся дорога завалена убитыми и ранеными. Ну, теперь вперёд! Бывший десятник сотни Ивана Малинина вершиловского полка, а теперь русский дворянин Трофим Фёдорович Андреев нетерпеливо прошёлся вдоль стены из камня и глины, что построили вчера вечером, ожидая подхода испанцев. Да, во время последнего посещения Сантандера Якоб Ротшильд вручил Трофиму грамотку на дворянство от императора Михаила Фёдоровича и толстенное письмо от князя Пожарского. В письме Пётр Дмитриевич придумывал всякие напасти и объяснял, как выйти из таких бед с наименьшими потерями.

Надо сказать, что вот сегодня одна из таких подсказок пригодилась. Вчера примчался на взмыленном жеребце разведчик из Торрелавеги и сообщил, что перевал прошёл полк драгун, высланный из Леона. Про вооружение Кристобаль Рубио, который уже месяц ожидал именно этого в Торрелавега, сказал, что пушек нет, зато у каждого есть мушкет и «свиные перья» – полупиками, которые используются про-

тив кавалерии. В полку три роты по двести человек и кроме того с ними идёт рота пикинеров, тоже человек двести. Разведку испанцы не выслали, идут походной колонной, растянувшись на целое льё, то есть почти на шесть вёрст. Если от Сантандера до Торрелавеги около двадцати вёрст, то выйдя с утра, доберутся до намеченного места засады испанцы только к полудню. Плохо, конечно, русским солнце будет бить в глаза. Хотя вчера всё небо было в облаках, и даже небольшой дождь накрапывал, всё-таки осень уже – сентябрь.

Место для засады, тоже по совету князя Пожарского, выбрали давно, наносили туда камней по обочинам дороги и с обеих сторон дороги выкопали почти метровый в глубину и шириной в два метра ров. Вот весь вечер и собирали эту стенку. Испанцы появились даже чуть позже, чем их ждали. К этому времени все двести «русских» и сто пиратов морисков успели не спеша оборудовать себе позицию и зарядить оба мушкета. Ещё двести морисков и «русских» приготовились заряжать мушкеты. Наконец над дорогой стало подниматься облако пыли, и из него стали выезжать всадники. Они уткнулись в баррикаду, что сложили в пятидесяти метрах от возведённой стены сантандерцы и остановились. Но дисциплине никто испанцев не учил, да и шли они вразумить кучку ортодоксов и морисков, а не воевать.

Мышеловка захлопнулась. Трофим отдал команду самым простейшим образом, выстрелил сам. Пусть чуть в разнобой, но залп был не слабый. Триста мушкетов окутались дымом и

триста двадцатимиллиметровых шариков устремились вперёд, ища себе жертву. И тут с небольшого холма с правого фланга бабахнули и все три пушки заряжённые картечью. Едва дым рассеялся, как грянул второй залп. В это время помощники уже заряжали мушкеты. Минута и третий залп, правда, пожиже и уже совсем вразнобой. Вот тут испанцы и ломанулись назад по дороге. Но дорога позади тоже была завалена трупами после выстрела пушек. Лошади падали в ров, за ними пикинеры. Упавшие пытались вылезть наверх, но сверху, потеряв голову от ужаса, бросались следующие.

Андреев оглядел побоище и махнул Андреевским флагом. Это был знак «русским», что начиналась сабельная атака. Пираты же должны добить раненых и собрать лошадей. Трофим и сам рванулся в атаку на своём андалузце. Испанцев гнали до самой Торрелавеги. Нельзя было, чтобы хоть один остался живой и поведал кому-либо о тактике русских. Как говорит Пётр Дмитриевич, для следующих «сюрприз будет».

Нападения ждали. Война с испанцами тянулась уже больше года. Нет, войной эту дурость назвать было нельзя, конечно, но кто-то там далеко, время от времени присылал тех, кого русским нужно убить. На этот раз прислали много. Когда трупы раздели и на подводах свезли в гавань, чтобы погрузить на корабли пиратов, то посчитали их. Получилось восемьсот тридцать семь человек. Причём монашеских ряс бы-

ло всего пять. Башель Касин долго ругался, что потом неделю будет палубу от крови отдраивать, но с ним договорились заранее, все до единого трупа нужно увезти в море и подальше от берега сбросить на корм рыбам. Это не было заботой об акулах. Сантандер должен стать городом, в который нельзя посылать войска. Они там бесследно исчезают.

Это будет уже третье исчезновение. А если добавить пропавшую инквизиторов, что заявили в монастырь, переоборудованный русскими под свой лагерь, то четвёртое. Второе пришествие инквизиторов было таким же глупым, как и первое. Эти богоотступники решили вместе с инквизиторами послать солдат. Решили и прислали. Целых десять человек. Все разодеты в кружева и ленты. Мушкеты с серебряной насечкой, шпаги с дорогущими камнями. Великий инквизитор Андрес Пачеко епископ Куэнки и Патриарх Индии, который сейчас руководил Трибуналом священной канцелярии инквизиции, прислал в Сантандер своих лучших людей. Высокий и тощий предводитель этих скоморохов потребовал главного. Трофим вышел вперёд и тут же получил удар посохом в грудь.

Через час восемь монахов и десять горе мушкетёров закопали за стеной монастыря. Сверху посадили несколько оливковых деревьев. Ну, не зря же землю копали. Когда на следующий день появился алькальд Сантандера и задал уместный вопрос: А где...? Ему ответили, что ни кого не было.

– Как не было? Они же вчера утром выехали из города, –

Родриго де ла Серда обшарил весь монастырь.

Ни кого. Ни каких следов. Половина Сантандера искала целую неделю по горам и лощинам. Инквизиторы пропали.

Потом стало не до них. Прибыл на куче кораблей Якоб Майер Ротшильд. Алькальд схватился за голову. В город прибыло чуть не тысяча протестантов. Трофим с Якобом пытались успокоить испанца.

– Это всего на несколько месяцев. В Риге война, но скоро русские её отобьют у шведов, и все немцы поплывут назад.

– Я должен сообщить в Мадрид, – упёрся Родриго.

– Должен, сообщай, но мы уплывём, а полк солдат будет объедать город, насиловать женщин и требовать у тебя вина, – обрисовал перспективу Ротшильд.

Де ла Серда сник и, взяв очередную взятку, почти успокоился.

Немцы оказались работающими и мастеровитыми. Сложили две кузнецы, построили пилораму и печь для обжига кирпича. Из привезённых на «Морском чёрте» досок построили рядом с монастырём десять барачков. Даже огороды раскопали. И в это время в Сантандер привёл два корабля бывший пират Башель Касин. Он привёз почти двести «русских» девушек. Русскими их можно было назвать с большой натяжкой. Около сотни было с Волыни, Запорожья и прочих украинских земель. Оттуда же было и одиннадцать полячек. Из настоящей Руси было всего около тридцати девушек. Кроме того Башель привёз болгарок, молдаванок, сер-

бок и гречанок. Что ж, мориску простительно. Две недели шли знакомства и свадьбы. Православные греческие монахи, что попали в Сантандер с первой захваченной шебеки, каждый день венчали десятки пар. В городе кончилось всё вино. Сто шестьдесят семь свадеб сыграли.

Кроме невест мориск привёз множество тканей. Молодец. Якоб их выкупил все и раздал в подарок молодожёнам. С Башелем Касином расплатились по-честному и предложили привезти ещё сотню девушек и сотню молодых рабов, но желательно не «вроде бы русских», а именно русских. Инквизиторы больше русскую колонию не беспокоили. Вскоре прибыли мориски, что пожелали переселиться в Российскую империю. Тоже почти тысяча человек. Якоб как раз закончил сделки по покупке платины и какао бобов. Кроме того он скупил кучу книг, которую инквизиторы посчитали еретическими. Инквизиция выпустила перечень запрещённых книг. Под этот запрет попали варианты Библии на любых языках кроме латыни, различные картины, книги о магии, маврах, иудеях и тому подобное. Тем, кто занимался чтением, хранением и распространением подобных книг инквизиторы угрожали сожжением на костре. Алькальд говорил, что даже в библиотеке короля и королевы изымали «сатанинские» книги. Как их только Ротшильд сумел добыть? В конце июля немцы и мориски уплыли. А буквально через неделю в город пришла рота мушкетёров и два десятка попов.

Только теперь их ждали. В Торрелавега, городке, который

нельзя миновать по дороге в Сантандер, поселили испанского паренька, который за рубль в месяц согласился служить князю Пожарскому. В его «службу» и входило сообщать о войсках, движущихся в сторону Сантандера. Роту встретили на том же месте, что и сейчас. Потом их раздели, ночью на повозках доставили в порт, погрузили на бригантину, что досталась от пиратов, и покормили акул в нескольких милях от берега.

Целый месяц ничего не происходило. А позавчера приплыл теперь уже на трёх кораблях Башель Касин. Он привёз почти семь десятков на самом деле русских юношей и столько же девушек. И тут прискакал разведчик из Торрелавеги. Кристобаль Рубио был бледен как смерть. Целый полк!!!

– Я не смогу вас всех забрать, у меня всего три корабля, – грустно констатировал пират, присутствующий при разговоре.

– Никто и не собирается ни куда плыть. Мы их перебьём, а твои люди погрузят их на корабль и выбросят в море, – пожал плечами Андреев.

– Полк? Вас не больше двух сотен.

– Башель. Ты ведь помнишь, как мы познакомились? – Трофим поневоле выучил уже испанский.

– Может вам помочь? Я могу выставить сотню морисков. Они с удовольствием постреляют в испанцев, – хищно усмехнулся бывший пират.

– Договорились, но кормление акул всё равно за тобой.

– Ха! Это просто подарок! – чуть не пустился в пляс бывший пират, – Я посмотрю на ваших русских воинов. Старейшины сомневаются, стоит ли переезжать в Россию. Если всё пройдёт удачно, мне будет что им рассказать.

– Триста против восьми сотен. Я участвовал в бою, где против нашей сотни было больше тысячи шведов. Как думаешь, сколько у нас было раненых?

Событие пятнадцатое

Таймураз Бицоев спрыгнул с лодыи на пристань Вершило-ва и, встав на колени лицом на Мекку, поблагодарил Аллаха за благополучное возвращение «домой». А куда же ещё? Он прожил в Вершилово уже четыре года, здесь у него дом и семья, здесь живут все его родичи. Здесь его ценят. Нет, и не может быть лучшего дома.

На этот раз удалось вернуться раньше обычного. Сегодня только пятнадцатое сентября, а они уже дома. В этом плавании никто на пять лодей под Андреевским флагом не напал. Во время второго похода в прошлом году они взяли с собой пленных казаков и персов. Казаков, не пожелавших служить князю Пожарскому, отпустили в Астрахани и предупредили, чтобы те своим передали, что нападать на суда с белым флагом с косым синим Андреевским крестом занятие очень опасное. Только видно передать предупреждение князя Пожарского отпущенные своим не успели. Едва они

вышли из Астрахани, как к ним устремились пять казацких чаек. Только залп из сорока мушкетов пыл пиратов охладил и с той же скоростью, с которой чайки шли в атаку, они, даже не разворачиваясь, прыснули в противоположную сторону.

Точно так же поступили и с капитаном персидской галеры и его помощником. Этих высадили в Дербенте и посоветовали передать начальству, что лодьи под Андреевским флагом не вражеские, но и не добыча. В Дербенте сошёл на берег и один из родственников Бицоева. На семейном совете они решили, что нужно предложить некоторым знакомым перебраться в Вершилово. Агабек Бицоев должен был пройтись по мастерам в самом Дербенте и кроме того добраться до посёлка Кубачи и пригласить тамошних мастеров оружейников. От Дербента до этого поселения гемуэзцев около восьмидесяти километров на запад, по узким горным дорогам. Пригласить оттуда мастеров попросил Пётр Дмитриевич. И откуда он только про него знает?

В тот раз на обратном пути забрали с собою только семь семей. Кузнецы, каменщики и только две семьи из посёлка Кубачи. Третий поход был проще. Во-первых, дорога уже знакомая. Во-вторых, предупреждение, наконец, дошло до всех, кто плавает по Каспийскому морю или, как его ещё называют, Хазарскому или Дербентскому. Теперь от людей с белым флагом, на котором нарисован синий крест, старались уйти подальше. Это не добыча плывёт – это хищник.

Соли набрали быстро и шноревка уже есть и новые тачки значительно ускорили работу. А вот на обратном пути в Дербенте ждал целый ворох новостей. Для начала появился тот самый капитан захваченной иранской галеры. Звали капитана Атылла, переводится это как – тот, который на коне. Для моряка самое «подходящее» имя. Капитан привёл с собой богатого купца. У них было предложение к князю Пожарскому.

– Таймураз, как ты думаешь, если я построю штук пять небольших галер, сплаваю в «Чёрную пасть», наберу там соли и привезу её в Вершилово, купит ли у меня её князь Пожарский? – купец по имени Дарьюш Мешхед протянул Бицоеву дорогой кинжал из дамасской стали.

Таймураз задумался. В первый поход у них было три лоды, во второй четыре, сейчас пять. Правда, теперь с ним нет Бебезяка со своим десятком и двадцати спецназовцев Афанасия Бороды, они сейчас воюют со шведами. Сейчас с ним десяток его родичей и три десятка вершиловских юношей лет по семнадцать. Только Бицоев видел их на тренировках. Он бы не советовал даже янычарам выходить вдвоём против одного такого безбородого юноши. Лучше попытаться убежать. Может быть, одного не догонит.

Князь Пожарский как-то в разговоре упомянул, что не плохо бы основать в заливе поселение, чтобы соль добывали они, а может они её в мешках и в Астрахань доставляли. То,

что предлагает купец ещё лучше.

– Поднимутся ли галеры по Волге, там полно мелей? – высказал он опасение.

– Галеры будут небольшие, как ваши лоды и с маленьким килем, – Дарьюш Мешхед кивнул головой в сторону стоящих у причала лодей.

– Князь купит соль, её нужно много, сейчас франки хотят её купить у русских. Только на соли больших денег не сделаешь. Давай так, я войду в долю на строительство лодей и наём гребцов и подскажу товары, которые выгодно возить в Вершилово. Думаю, треть доходов будет справедливая доля, – в Таймуразе проснулась купеческая жилка.

– Четверть и мы договорились, – не преминул начать торг перс.

– Договорились. Слушай, Дарьюш. Князь купит дорого мастериц, что умеют ткать ковры. Ещё он не пожалеет денег на редких животных. Если ты привезёшь тигра, леопарда, зубра, кавказского тура, то уплывёшь назад богатым человеком. Ещё Пожарский заплатит большие деньги, если привезти русских рабов. Их он выкупит обязательно. Ну, и самое главное, ему нужны мастера из Кубачи и Гоцатля Большого. Не в качестве рабов, а чтобы они переселились в Вершилово и стали работать там. За них он тоже денег не пожалеет. Только их нужно уговорить, а не привезти в колодках, причём, желательно всей семьёй. Назад же нужно везти не серебро, а товары, что производят в Вершилово. Это фарфоровая

посуда и вазы, которые гораздо красивей китайских, сейчас в Вершилово делают вазы и посуду специально с рисунком, которые одобряет Коран. Кроме того там делают стекло и зеркала лучше муранского. Да, там много чего делают. Всего и не перечислишь. Белоснежная тончайшая бумагу, лучшая в мире ткань, самые красивые в мире украшения. Приедешь – увидишь.

Расстались довольные друг другом. Купец побежал к корабелям, чтобы те измерили вершиловские лоды, пока те стоят у причала. А когда они уже на следующий день собирались отплывать нахлынули желающие перебраться в Вершилово. Целых четырнадцать семей. Что ж, чем больше будет мастеров у князя Пожарского и чем меньше у персидского шаха, тем лучше.

Событие шестнадцатое

Дверь предбанника распахнулась, впуская сырой осенний воздух.

– У меня послание от Государя императора, – в предбанник вломился царский рында в своих белых одеждах.

Баню строил на своём подворье в Москве князь Дмитрий Михайлович Пожарский с таким расчётом, чтобы ходить там, не пригибаясь. Только вот был богатырь Пожарский всего метр семьдесят шесть сантиметров. Пётр вымахал уже на целых одиннадцать сантиметров выше, и стоял в предбан-

нике, опустив голову на бок. Так рында был ещё выше ростом. Был юноша не богатырского сложения. Жердь, одним словом. Получилось весело. Пётр стоял, чуть согнув ноги в коленях и наклонив голову к плечу, а рында передавал ему царский указ, практически стоя на коленях.

– Слушаю, – улыбнулся Пётр.

– Велено тебе князь быть завтра на утрени в Успенском соборе.

– Хорошо, – попытался кивнуть Пётр, получилось не очень, только ухом по потолку поводил.

Рында тоже ударился головой о притолоку и испарился. И как только царь батюшка прознал о приезде. Пётр всего два часа назад и въехал на отцовское подворье. Приказал с дороги баньку топить, да не жалеть дров, чтобы быстрее получилось. И вот только он стал раздеваться в предбаннике, рында и заявился. Значит, видел кто-то и опознал, да и царю успел доложить. Ну, что ж, сходим на богослужение. Для престижа полезно рядом с Михаилом Фёдоровичем лишний раз засветиться. Служба часа три длится. Если часов в девять начнётся, то сразу у царя батюшки и отобедаем.

После обеда император всех удалил, и остались они втроем с дьяком Борисовым ещё. Пётр подробно рассказал о взятии ливонских городов и об освобождении Риги и Митавы. Не забыл упомянуть и о стычке с ляхами. Михаил Фёдорович аж подпрыгну и хотел послать Фёдора Думу собирать.

– Подожди, Великий Государь, позволь слово молвить, – остановил его Пожарский.

Михаил губы поджал, но дьяку рукой махнул, мол, подожди бежать.

– Я Польному гетману Радзивиллу в Риге специально невыполнимое условие поставил, чтобы за каждого нашего убитого они дали по десять тысяч злотых и за раненых по тысяче, итого пятьдесят семь тысяч злотых. В противном случае обещал спалить Краков и Варшаву. Конечно, Жигамонт и сейм будут категорически против. Денег не дадут, а у тебя будут прощения за Льва Сапегу просить. Так что на переговорах будет уже перевес на нашей стороне. Ну, а после Рождества подумаем, может пограбить Краков. Да не своими руками, думаю, запорожские казаки на мою просьбу откликнутся. Те, что со мною были, по тысяче злотых на Сечь привезут. За такими деньжищами казаки и сорок тысяч войска наберут. Подождём, посмотрим, как себя ляхи будут на мирных переговорах вести.

– А что наша Дума скажет? – задал правильный вопрос царь.

– Дозволь мне Великий Государь завтра на Думе присутствовать. Хочу кое-что преподнести тебе. Пока секрет, – улыбнулся Пётр, увидев искорки любопытства в карих глазах Романова.

– Быть по сему, завтра после полудня и подходи в Переднюю палату, – согласился Государь, – А что ты, Петруша, про

переговоры в Нарве посоветуешь? Скоро и выезжать уже. Сговорились на первое ноября по латинскому календарю.

– Прошу, Великий Государь, выполни одну просьбу, – после раздумий попросил Пожарский.

– Говори.

– Опоздай на два дня. Прибуди в Нарву только второго ноября вечером.

– Зачем же это, да и неудобно, сам ведь время назначил, – нахмурился Михаил.

– Во-первых, третьего ноября 1612 года по латинскому календарю отец мой с ополчением Москву у ляхов отбили. Я у себя в Вершилово это всенародным праздником объявил. Народ не работает, а футбол смотрит и другие соревнования, ярмарка на площадях. Надо и на всей Руси это праздником сделать. Великая это была победа. А если в этот день ещё и победа над Шведским королевством будет, так вдвойне праздник. Во-вторых, пусть короли денёк посидят, потомятся, как ни как, а победители в этой войне мы одни. Речь Посполитая приобрела только разграбленные Ригу, Митаву и Дерпт, да ещё тысячи убитых. Всего флота лишилась. Дания тоже ни чего не выиграла. По моим данным ни одного города так и не захватила, да ещё шведы Готланд разграбили. Хотя главную свою цель они заполучили. Швеция теперь слаба. Ну, а Густав Адольф остался без флота, без Ливонии и Финляндии, да ещё и без жены с дочерью. Будут сидеть, на стуле ёрзая, ожидая победителя, и гадать, а чего опять злые

русские затеяли.

Михаил внимательно слушал, а дьяк Борисов даже пером скрипел.

– Хорошо, Петруша, так и сделаю, только ещё про дату у Артемия Ивановича спрошу.

– Кто такой Артемий Иванович? – открыл рот Пётр.

– Астролог и алхимик англичский Артур Ди, сын знаменитого астролога и мага Джона Ди. Я его еле выпросил у короля Якова, – похвастал царь.

Джон Ди? Пётр напряг память. Стоп. И как же он прошляпил? Ведь этого Ди даже в академии генерального штаба проходят. Это не Джеймс Бонд агент 007, это как раз Джон Ди. Разведчик королевы Елизаветы в Европе. Её личный маг и астролог. Тот самый предсказатель, который, по мнению историков, и решил исход битвы Англии с «Непобедимой армадой». Он посоветовал не выходить из портов английскому флоту, а буря отыгралась на Испании. Что-то там ещё было? Ага. Зеркало из обсидиана, привезённое, кажется из Перу, и волшебный кристалл, который Джону Ди дал ангел. И самое главное библиотека. Пусть она частично сгорела и частично разворована, но один чёрт это самая большая частная библиотека в мире.

– Царь батюшка, а можно и мне с Артемием Ивановичем пообщаться. Я в астрологию не шибко верю, а вот кое какие вещи его отца с удовольствием куплю, – князь Пожарский от нетерпения и предвкушения даже заёрзал на кресле.

– Фёдор, позови, астролога и толмача из мальцов кого, – отправил царь Борисова.

На вид сын родоначальника британской разведки был неказист, мелковат и староват. Да и синего халата волшебника с серебряными звёздами на нём не было. Сухонький старичок с козлиной бородкой, но с умными серыми глазами.

– Вы сын известного астролога и медика Джона Ди? – спросил вошедшего англичанина Пётр на своём неправильном английском.

Немецкий за шесть лет постоянного общения с переселенцами из Европы он уже более-менее до существующего сейчас Верхнесаксонского диалекта подтянул. Так как единого немецкого языка ещё не существует, то можно считать, что большего и не надо. А вот с английским затык. Нет, если он говорил медленно, то актёры театра «Глобус» его с пятого на десятое понимали. Ничего, пообщается побольше с переселенцами, теперь из Англии, и наладится и с этим языком. А, вообще-то, пусть они русский учат.

Событие семнадцатое

Артур Ди приехал в Московию более года назад, в начале лета 1623 года. Началось всё с прибытия в Лондон русских посланников Юрия Родионова и Андрея Керкерлина, отправленных царём Михаилом Фёдоровичем. Послы долж-

ны были разыскать в странах «полночных»: немецких землях, Франции и Англии лучшего астролога и пригласить его в Москву. В 1621 году они отписали царю, что английский докторус Артур Ди «премного славен своим искусством». До своего отъезда в Россию Артур был придворным врачом и астрологом английского короля Якова I и имел репутацию талантливого медика и фармацевта. Но появилась уже Пурецкая волость и «Московская компания» узнав о приглашении, уговорила короля Якова уважить просьбу Михаила и отправить астролога в Москву. Так Артур и пошёл по стопам отца. Тот был очами королевы-девственницы Елизаветы в Европе (поэтому и «00»), он будет очами при дворе московитов, а заодно сообщать новости из Речи Посполитой и Швеции. Там в Англии эти три северные страны казались рядом. Наивные. Одна Московия или теперь Российская империя была в десяток раз больше Англии, а все три вместе эти страны были в десяток раз больше всей Европы.

Артур Ди родился в Лондоне 13 июля 1579 года. Не так давно ему исполнилось сорок пять лет. С собою в Россию он взял жену Изабеллу в девичестве Прествич, дочь манчестерского судьи, и четверых детей. На дорогу его ссудили деньгами и в Московской компании и при дворе. Правда, по прибытию в Москву эти двадцать фунтов показались подачкой нищему. Вступив в должность царского лекаря, Артемий Иванович Дий (так нарекли Ди в России) получил от царя в качестве подарка большой каменный дом возле Ильинских

ворот. В год главный медик Московии получал жалованье превышающее 1000 рублей. Это двадцать семь килограммов серебра или 75 фунтов стерлингов. Кроме того, Артур Ди «ежедневно получал при дворе четыре меры боярского вина, одну четверть или галлон цыганского вина, одну четверть вишнёвого мёда или малинового мёда, четверть «обарного» мёда, ведро патоки, полчетверти фильтрованного мёда, половину царского мёда, полведра пива высочайшего качества и ведро простого пива».

Лекарством Артур не занимался почти. Он составлял гороскопы. Царю батюшке, Государыне императрице, недавно родившейся царевне Ирине, матушке Государя старице Марфе и отцу императора патриарху Филарету. Дел хватало. Царское семейство обращалось за помощью к астрологу по любому мелкому поводу. Ребёночек закапризничал, или матушке Государыне сон плохой приснился, сразу подавай гороскоп. Спасало одно. Астрономические таблицы Филиппа ван Лансберга и его сына Якова печатались здесь же в России и на голову превосходили всё, что делалось в Европе. Все лучшие астрономы перебрались в эту загадочную Пурецкую волость. Как и все математики. Артур и сам бы туда с удовольствием съездил, ведь там живёт светоч астрологии – Иоганн Кеплер. Только вот Михаил Фёдорович не пускает. Всё обещаниями кормит, вот мол, всем семейством летом туда поедем и ты Артемий Иванович с нами.

Артур был старшим сыном Джона Ди и начал помогать от-

ду ещё в восемь лет. Он сопровождал отца в его путешествиях по Германии, Польше и Богемии, и в раннем возрасте уже был посвящён в тайны оккультных наук. После возвращения в Англию 3 мая 1592 года он был помещён в Вестминстерскую школу, его учителями были известные учёные Грант и Камден. После окончания колледжа Ди учился в Оксфорде, но не получил никакой учёной степени. Причиной тому были интриги против отца. Его всё время пытались обвинить в колдовстве и арестовать. После возвращения из Европы в течение нескольких лет Ди старший пытался добиться назначения на какой-нибудь пост и компенсировать материальные потери, понесённые за время путешествий. Сперва он добивался назначения на должность Магистра Креста Святого Иоанна. Его прошение было одобрено Елизаветой, при условии, что своё согласие даст также архиепископ Кентерберийский. Однако тогдашний архиепископ Джон Уитгифт так и не дал своего одобрения.

В 1596 году Ди, наконец, был назначен ректором Колледжа Христа в Манчестере. Однако он с трудом справлялся со своими обязанностями, поскольку находившиеся под его началом коллеги не желали подчиняться «злому волшебнику». Вполне возможно, что королева Елизавета назначила отца на этот пост в первую очередь для того, чтобы удалить его из Лондона.

В 1605 году в Манчестере разразилась чума, унёсшая жизни жены Джона Ди и нескольких братьев и сестёр Артура.

Отец переехал в Лондон, где и умер в бедности в начале 1609 года. Артур переехал в Лондон вместе с отцом и после смерти того начал практиковать медицину. Он выставил у дверей своего дома список лекарств, составленные им совместно с отцом, в том числе и несколько панацей от многих заболеваний. Немедленно цензоры колледжа врачей, высказались относительно этого как о «невыносимом обмане и плутовстве», они вызвали его, чтобы Ди предстал перед советом цензоров. Однако ему тогда удалось отделаться только небольшим штрафом.

Дальнейшая жизнь в Лондоне была сплошной борьбой за корку хлеба, пока, наконец, три года назад он не был назначен придворным врачом короля Якова. Ну, а потом по его рекомендации и по просьбе Московской торговой компании не переехал в Москву.

– Вы сын известного астролога и медика Джона Ди? – этим вопросом встретил его огромный русский, когда по вызову императора Артур поднялся в его покои.

Гиганта Ди узнал. Это был тот самый князь Пожарский меньшей. Даже и не скажешь, что ему всего девятнадцать лет. Старшему сыну астролога было уже двадцать три и он всячески помогал отцу, но ... Худой бледный и невысокий, совсем не в деда, Джон младший был сущим ребёнком рядом с этой громадиной.

– Я и сам медик и астролог, – склонился в поклоне Артур.
– Замечательно. Артур, а не скажите, где сейчас обсида-

новое зеркало, стол и волшебный кристалл? – такого вопроса Ди не ждал, хотя, это ведь хозяин таинственной Пурецкой волости.

– Я ..., – начал было Артур, но Пожарский его прервал.

– Ты же знаешь, кто я, и сколько у меня денег. Цена не имеет значения. Мне нужны все книги из библиотеки твоего отца, перуанское зеркало, кристалл, и все записи по Енохианской магия или ангельской магии.

– Зеркало из Новой Испании, – Ди скрипел мозгами. Часть библиотеки отца сгорела, пока они путешествовали по Европе, часть была тогда же украдена. Небольшую часть Артур привёз с собой.

– Сейчас часть библиотеки находится в разных руках, – осторожно начал астролог.

– Давайте так. Я через несколько дней уезжаю домой, в Вершилово. Там сейчас у меня гостит один из основателей Ост-Индийской компании Томас Манн. Вы готовьте список людей и список книг. Он их все выкупит. Так, где же зеркало? – великан пристально уставился на Артура, – и все остальные магические предметы.

– Часть я продал, нужно было на что-то жить, – потупился Ди, но кристалл подаренный ангелом у меня и большая часть книг.

– Сколько?

– Это память об отце и я бы хотел, – замямлил Артур.

– Две тысячи рублей.

– Я подготовлю к вашему отъезду, – в душе всё ликовало.

Артур пытался продать это в Англии за пятьдесят фунтов, но никто не брал. Дорого. Да, нет. Не дорого. Покупатели не те. Покупатели должны быть вот такими. Русскими.

Событие восемнадцатое

В Думе был полный «кворум». Правда, аксакалы российские этого мудрёного «немецкого» слова не знали, поэтому в Думе яблоку негде было упасть. Все, кто мог, собрались. Оно и понятно, не часто хозяин Пурецкой волости к ним в гости заходит. Сейчас кроме этого качества Пётр выступал ещё и как победитель свеев. Нет, остальные воеводы тоже крепости взяли, в том числе и двое других Пожарских, но не Упсалу со Стекольной.

В Малой или Передней палате ничего не изменилось, те же лавки вдоль стен. Пётр хотел было отправить им диваны, но передумал. Товарищи ведь работать сюда ходят, дела государственные решать, а на мягких диванах ещё заснут. Вот в окна вставили стеклопакеты, что стали выпускать в Вершилово. Не алюминиевые ещё, деревянные и не трёхстекольные, а двух, но ведь и не слюда, как раньше было. Сейчас пока производство и таких остановлено. Вся проблема в резине. Вся нижегородская губерния собирает всё лето одуванчики, а этого еле на стирательные резинки, новые кареты и

велосипеды хватает. Посадили узбекские одуванчики, но пока они ещё размножатся. Селекционер из Голландии ван Бассен говорит, что в два раза больше соку даёт кок-сагыз, чем обычный одуванчик. Пётр в прошлую встречу со старшим Буксбаумом наказал тому в Португалии разузнать про гевеи, не для того, конечно, чтобы её сажать в России. Холодно у нас. А вот, собирают ли сейчас в Бразилии сок, и не найдётся ли желающий заняться добычей его и продажей.

– Ваше Императорское Величество, – начал Пожарский, когда гул голосов, вызванный его появлением стих, наконец, – В свейских городах Упсале и Стокгольме, что мы захватили, попались нам интересные находки, которые и хочу я сейчас тебе преподнести, – Пётр кивнул головой и в зал стрельцы из десятка Бебезяка стали заносить на подушечках, что сшила вчера вечером дворня в отцовом доме, регалии шведских королей.

Всего подушечек было шесть. Сшили женщины их из нашедшегося в доме синего бархата, и смотрелось это достойно. Поистине царский подарок.

Первой к ногам Михаила Фёдоровича положили корону.

– Это корона свейского монарха Эрика XIV – знак королевской чести и достоинства, – прокомментировал Пётр.

– Это скипетр Эрика XIV – знак мирской власти короля, – продолжил Пожарский, когда к ногам царского семейства положили вторую подушечку.

– А это держава Эрика XIV – знак того, что Бог поставил монарха в качестве своего представителя, – третья подушечка.

– Ключ Эрика XIV – знак власти короля, который уничтожит зло, – положили четвёртый предмет.

– Это же меч отца Эрика, короля Густава Васы – знак долга короля мужественно и смело защищать своё государство, – все эти комментарии записал на бумагу ещё граф Оксеншерна, пока они прибывали на Готланде, ожидая переправки коней.

– И последняя реликвия. Это корона самого Густава Адольфа.

Внесли и седьмую вещь. Пётр, когда понял, что это такое, ещё в Упсале, от радости чуть не подпрыгнул. Сейчас он склонился на одно колено и передал находку российской императрице, сидящей на троне слева от Михаила и заворожённо смотрящая на шведские королевские регалии.

– Ваше Императорское Величество, – Пожарский протянул Доротее Августе широкополую фетровую шляпу с двумя перьями синим и жёлтым, – Это шляпа короля Густава Адольфа, в которой он обычно воюет. Отправьте её своему дяде, королю Кристиану. Думаю, ему сей подарок понравится. Лишился шведский король короны, всех других символов своей власти, жены, флота и даже фетровой шляпы не уберёг.

Про эту шляпу им рассказывали в Академии генерального штаба на лекции по истории Америки. Всё дело в том, что в Швеции холодно и с овцами там проблема. По этой самой причине фетровые шляпы там делали из меха бобра. Так вот, когда в тридцатые годы семнадцатого века шведы вторглись в немецкие земли и навалили войскам католиков под руководством Валленштейна, то все офицеры армии непобедимых шведов были в таких шляпах. Шведы сначала немцев не грабили, а вот войска католиков совсем наоборот. Появились эти нибелунги в красивых шляпах и освободили немцев. И шляпы вошли в моду. Сначала в Германии, а потом и в остальных странах Европы. Только бобров на всех не хватало. Тогда и поплыли за океан скупать шкурки бобров в будущей Канаде. Часть этих таперов там осталась, обзавелась семьями, и продолжала благоденствовать, истребляя бедных животных. К ним в обетованный край потянулись и другие переселенцы. Вот так Канада и возникла.

А что теперь? Шведам теперь точно не до освобождения Европы. Самим бы выжить без Ливонии и Финляндии, без торгового и военного флота. Без денег, читай оборотного капитала. Не нужно будет бобров истреблять. Может и история Канады по-другому сложится? Почему бы ей не стать частью Русской Америки.

Событие девятнадцатое

Доротея Августа Гольштейн-Готторпская или теперь Дарья Ивановна Романова – императрица российская, чмокнула дочку в лобик и передала её кормилице. Царевне Ирине неделю назад исполнился годик. Михаил устроил большой праздник. Вся Москва два дня пиоровала. Дарья Ивановна просидела весь день в Грановитой палате, принимала подарки. Бояре, князья, богатые купцы несли и несли золотые украшения, меха, красивые заморские ткани. Были подарки и из Вершилово. Там сейчас не было ни Петра Дмитриевича, ни его брата Фёдора, но кто-то подарками озаботился. Кроме красивых ваз из фарфора и стекла были и две книги. Их царица ждала с нетерпением. Она ещё не очень хорошо владела русским, но книги ей прочитали на немецком. Одна была продолжением чудесной сказки про девочку Лену, которую ураган прямо в домике занёс куда-то за Урал в волшебную страну. На этот раз Лена с пёсиком Тотошкой, железным дровосеком, храбрым львом и мудрым Страшилой, помогала в подземной стране семи королям. Доротея понимала, что это сказка, но всё было написано так красочно и правдоподобно, что думалось, а вдруг на этом Урале и правда есть гигантская пещера и там живут маленькие человечки. Первые две книги про Лену царице прочитали не меньше пяти раз, как и книгу про деревянного мальчика Буратино

из другой сказочной страны.

Кроме продолжения про девочку Лену была и ещё одна сказка. Она называлась «Аленький цветочек». На этот раз волшебная страна тоже находилась за Уральскими горами, и купец плыл туда по рекам целое лето. Доротее очень хотелось увидеть эти горы. Она, конечно, не маленькая девочка и понимает, что всё это выдумки писателей, но увидеть этот Урал хотелось. Пока княгиня Мстиславская не родила мальчика, которого назвали в честь умершего отца Фёдором, она много рассказывала Дарье о том, как князья Пожарские несколько раз плавали, как и купец из «Аленького цветочка», по рекам на Урал и основали там два города.

Михаил обещал, что следующим летом они обязательно съездят в Вершилово. Все приезжающие из этого чудесного города рассказывают, какая там красота. И чего только нет в этом городе: и зоопарк, где князь Пожарский собирает диких зверей со всего мира и волшебная стеклянная часовня, в которой хранится часть креста, на котором распяли сына божьего. Княгиня Мстиславская говорила, что летом на всех улицах выставляют сотни кадок с розами, и они все цветут и чудесно пахнут. Хоть не на Урале, так в Вершилово бы побывать.

Жизнь в Москве была довольно скучной. Три раза в день молитвы, обязательный сон после обеда, вышивание и чтение книг – вот и все развлечения. Первое время к ней хоть датчане бывшие в России заходили, но теперь идёт война и

попасть из Дании в Москву практически невозможно. Хорошо, что проклятых шведов победили и скоро император уезжает в Нарву заключать мирный договор. С ним Доротея и отправит дяде шляпу Густава Адольфа. Михаил говорит, что после победы пригласит мать и братьев с сёстрами царицы приехать в Москву, а потом все вместе они отправятся в Вершилово. Скорее бы уж. По сёстрам Доротея особенно не скучала, а вот увидеть младших братьев Адольфа и Иоганна ей очень хотелось. Как-то ещё до войны князь Пожарский меньшей говорил, что в Вершилово хочет побывать и её бабушка София Мекленбург-Гюстровская.

Сегодня утром проведать царевну заходил доктор ван Бодль из Вершилово. Год назад он принимал роды у Доротеи Августы. Князь Пожарский специально прислал его. Придворные доктора Ди и Бильс пытались было возмущаться, но Михаил выгнал их из покоев царицы и наказал даже не показываться, пока здесь врач из Вершилово. Доктор ван Бодль привёз и одну из своих учениц. Доротея была поражена, совсем молоденькая девушка и уже доктор. Оказалось, что никаких университетов Тамара, так звали девушку, не заканчивала. Она окончила шесть классов вершиловской школы и кроме того училась у травниц. Тамара сносно говорила на немецком, голландском и французском языке и даже знала латынь не хуже самой Доротеи Августы.

Доктор тогда принял роды, неделю понаблюдал за новорождённой и царицей и уехал назад в эту сказочную Пурец-

кую волость, а Тамара осталась. Сейчас она самая приближённая фрейлина Дарьи Ивановны. Ещё бы, столько всего чудесного она знает, особенно Дарье нравились её рассказы про уроки географии, которые вёл в их школе сам князь Пожарский. Неужели все эти чудеса существуют на самом деле? Царица разглядывала фарфоровую статуэтку животного, что подарил ей князь Пожарский. Животное называлось «кенгуру» и жило на неизвестном в Европе пятом континенте. Из сумки на животе мамы кенгуру торчала мордочка и передние лапки её детёныша. Вот бы увидеть этих кенгуру живыми.

Когда доктор ван Бодль уехал домой, придворный лекарь Бильс снова появился в покоях императрицы, осмотрел малышку и Дарью и назначил ей кровопускание. Якобы у царицы кровь загустела от неправильного питания. Но не тут-то было. Тамара выслушала голландского доктора и сказала, что ничего такого с Дарьей Ивановной она сделать не позволит и вообще за здоровьем императрицы и царевны Ирины она сама проследит. Какой крик тут поднял придворный лекарь. Даже позволил себе в присутствии Дарьи схватить Тамару за косу, чтобы вывести её из палаты. Только получилось наоборот. Тамара как-то незаметно двинула ему локтём в живот, вывернула ему руку и, скрюченного и воющего от боли, выпихнула за дверь.

На шум собралось несколько бояр, и Доротея уже испугалась за девушку, но тут появился патриарх Филарет, выслушал бояр и доктора и вдруг, со всей силы двинул посохом

по спине доктору Бильсу.

– Ещё раз зайдёшь к Дарьюшке и окажешься на плахе, а сейчас пойдёшь к докторусу Дию и скажешь ему, чтобы он тебе сначала кровь пустил, а потом клизму поставил. Понял ли? – и смотрит так ласково.

– Да, Ваше Святейшество, – пятясь, промямлил доктор. Странные всё же её новые поданные.

Событие двадцатое

Пьер Ферма закрыл учебник по «Алгебре и началам анализа» за шестой класс вершиловской школы и устало откинулся на спинку огромного мягкого кресла. Интересно, почему князь Пожарский решил, что он математик? До приезда в Вершилово Пьер и не думал о математике. Он только закончил третий год обучения в университете Тулузы, когда ему и его отцу предложили перебраться в Пурецкую волость на постоянное жительство. И учился он совсем не на факультете естественных наук, он учился на юриста. Он должен был пойти по стопам дяди своей матери советника Тулузского парламента Франсуа де Лонга.

Отцом Пьера был Доминик Ферма, буржуа и второй консул гасконского городка Бомона-де-Ломань. В семье, кроме Пьера, были ещё один сын и две дочери. Кроме того, что Доминик был вторым консулом, он ещё был и очень преуспевающим и довольно богатым торговцем-кожевником. Ма-

ленький городок Бомон располагался на левом берегу Гаронны вблизи Монтабане-на-Тарне (во Франции более 30 Бомонов). Во Франции любой преуспевающий буржуа просто обязан был купить себе должность, денег у Доминика хватило не много не мало как на «второго консула». Этих же денег хватило и на обучение Пьера в университете. Целью молодого бакалавра было дослужиться до звания советника и приобрести вожделенную приставку “де”. Сын третьего сословия, практичный отпрыск богатых кожевников, нашпигованный латынью и францисканским благочестием, он не ставил перед собой грандиозных задач и был реалистом.

В приходской книге францисканской церкви городка Бомон появилась запись. “Пьер, сын Доминика Ферма, буржуа и второго консулата города Бомона, крещён 20 августа 1601 г. Крестный отец – Пьер Ферма, купец и брат названного Доминика, крестная мать – Жанна Казнюв». И подпись: “Дюма, викарий”.

Молодой человек, плохо говоривший по-французски, зашёл в дом консула в начале 1623 года. Он пробыл там всего несколько минут, но эти минуты круто изменили судьбу и самого Пьера и всей его семьи. Семейству второго консула было предложено добратся до Парижа, зайти там, в банк «Взаимопомощь» и получить деньги и указания для переезда в город Вершилово Пурецкой волости.

– И зачем это нам? – притворно удивился отец, выслушав визитёра.

– Вот там и узнаете. Могу сказать только, что любой житель Европы мечтает оказаться в Вершилово. И только очень немногих туда приглашают. Зачем вы князю Пожарскому я не знаю. Вы не астроном, не математик, не алхимик и даже не медик. Более того, вы ещё и не имеете университетского образования.

– Мой сын Пьер учится в университете, – попытался пойти на попятную Доминик.

– Вот деньги на переезд в Париж. Скоро будет война между Швецией и Россией, и тогда добраться до Вершилова будет не просто. Так что, поторопитесь, – молодой человек положил на стол перед вторым консулом золотую монету и откланялся.

Монету потом разглядывал весь Бомон. Ничего подобного никто не видел. На аверсе монеты была цифра 100 и непонятная надпись, а на реверсе был чётко оттеснён бородастый мужчина, в глаза которому, были вставлены пронзительно-синие сапфиры с чудесной невиданной огранкой. Наверное, именно эта монета и стала решающим доводом на семейном совете всех Ферма о переезде в эту сказочную Пурецкую волость.

А вот встреча с князем Пожарским была для Пьера как ушат холодной воды. Пётр Дмитриевич почему-то решил, что Пьер увлекается математикой.

– Но я не держал в руках ни одной книги по математике или геометрии, – признался бакалавр юриспруденции.

– Значит, я поспешил, – сказал князь непонятную фразу.

– И что теперь делать? – забеспокоился Пьер. Ему нравилось в этом чудесном городе, нравился их новый двухэтажный дом, нравилось учиться в школе.

– Как можно быстрее осваивайте русский язык и проштудируйте учебники математики и геометрии за все шесть классов. И вот ещё что, Пьер, тебе на днях занесут записные книжки. Обязательно записывай все свои мысли в них. Кроме них тебе принесут несколько листов с необычными заданиями. В далёкой Японии эту игру называют «судоку». Тебе нужно понять принцип и начинать, пусть с помощью пока других математиков, создавать такие задачи. Назовём эту игру по-русски «Волшебный квадрат». Задачи должны быть пяти уровней сложности, от самых простых до максимально сложных. Со следующего года в школе будут проходить три игры: шахматы, шашки и судоку. Так, что с тебя до осени 1624 года учебник по судоку или волшебному квадрату.

Князь хотел было уйти, но передумал и, глядя сверху вниз прямо в глаза Пьера, продолжил:

– Я просто уверен, что математика тебе понравится.

И ведь этот странный русский князь оказался прав. За полтора года пребывания в Вершилово Пьер не только полюбил математику, но и стал завзятым членом кружка математиков, что ведёт Марен Мерсенн. А учебник по судоку Пьер закончил ещё в июне. Его уже начали изучать в третьем

классе вершиловской школы. Сам Ферма с удовольствием ходит на уроки Кеплера и Рубенса, Симона Майра, любит субботы и воскресенья, когда нет уроков, возиться с порошками и кислотами вместе с химиками на берегу Волги. Ему всё интересно. Жаль времени не хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.